

Степан
Мазур

Thread
ПЕСКОМАНСУ

ПОСЛАННИКИ ТЕНИ

Annotation

Мир слишком многогранен, чтобы любое существо могло с уверенностью сказать: "Я знаю о мире все, во всех его проявлениях". Так на одной из мало познанных границ Энрофа существует другой — изнанка бытия. Порой оба мира соприкасаются, сливаются в единое целое. И тогда единственное, что остается человеку — признать существование чего-то необычного, странного. Чаще всего он называет это одним словом — мистика. Ангелу Люции и демону Саркону приходится работать вместе, чтобы мистики для людского мира не становилось слишком много. Но человеческие "болезни" находятся в слишком опасной близости от посланников из-за тени. Кто заразится первым?

Выкладываю весь роман. Совершенно бесплатно.

Степан Александрович Мазур

Посланники тени

Ночь опустилась на город, набросив на осенний мегаполис покров ложной тьмы: горели фонари, светились витрины магазинов, окна домов, мелькали фары бесконечного потока автомобилей. Начиналась другая жизнь. Жизнь тех, для кого ночь — основное время работы.

Двое разомкнули глаза — пришел их час. Ночная смена.

Она была ангелом. Ее звали Люция. Молодая, белокурая дева, когда-то бывшая человеком. Вторым был потомственный демон-аристократ, носитель силы Шестого легиона, получивший ее не по заслугам или проклятию, а по праву рождения. Его нарекли Сарконом.

Изначальный демон в третьем поколении, так и не заслуживший за годы своего существования крыльев, хвоста и больше трех рогов, гневался. Саркон был старше Люции на три столетия, но превзойти в регалиях партнершу не мог и каждый день в Энрофе пытался это исправить. Ангел знала об этом и лишь подтрунивала.

Оба бойца являлись самыми молодыми носителями силы своих "лагерей" и были самой причудливой парой воителей за всю историю Столкновения.

Впервые ангел и демон работали вместе больше, чем один день. Больше, чем один бой. Без жажды смерти друг другу.

Впервые этот союз одобрили во имя высших целей.

— Я не выспалась, — протянула Люция, сладко потягиваясь и расправляя крылья. — Может, отпуск взять?

Крылья заполонили узкую комнатку. Деве едва хватало места, чтобы расправить их полностью. И даже с такими крыльями едва удавалось летать, в основном, парить над землей. А как же эта пара крыльев была мала по сравнению с крыльями архангелов! Те, высшие чины, летают, носят доспехи и поднимают груз больше своего веса даже в материальном воплощении. А про шестикрылых серафимов цвета крови и говорить нечего.

"Может, они просто легенды?" — Мелькнуло в голове ангела.

Люция не доверяла легендам. Верила только в то, что видела. И жизнь ее в физическом мире на события не скупилась.

— На небе отоспишься, — пробурчал демон, скребя клыки когтем. — В этом холоде физического мира не до глубокого сна. Весь как на иголках.

— На солнце тебе, Сыр, нужно. Или свитер у начальства попроси, — съязвила Люция, показала язык и скрылась в ванной.

Зажурчал душ. Ангел — не ангел, а плескаться любила, как никто другой из небесных в "командировке".

— Вот же бестия, — пробурчал Саркон. — Какой из тебя ангел? Совсем у них наверху народ на крепких духом иссяк? Первых попавшихся в армию набирают.

Демон повел шей, настраиваясь на работу. В висках кольнуло. Пошел сеанс связи. Тело научилось принимать сигналы внешнего мира в поисках вибраций, схожих с демоническими.

Весь мир купался в грязных энергиях, как свинья в корыте.

А вот и клиент... Снова самоубийца. Шагнула в окно, наивно полагая, что решила все свои проблемы и миру без нее будет лучше. Малодушная, слабовольная девчонка, не

разобравшаяся в жизни. Неокрепшая душа, принявшая вызов глупой игры.

Принято считать, что самоубийцы попадают в ад. Но нет. Саркон точно знал, что их там нет. И в раю Люция тоже не видела душ самоубийц. Они остаются на земле. Остаются, чтобы в полной мере ощутить всю боль, которую причинили своим преждевременным уходом живым. Кара Дарителя за то, что прервали жизненный путь, неумолима. Лучшая кара, которой в аду не придумаешь.

Люция вышла из душа нагая. Молочная кожа блестела, отражая свет, льющийся из-под потолка. Легкая улыбка розовых губ едва-едва обозначилась, сверкали бусинки белых зубов. По человеческим меркам смотрелась просто прекрасно. Сар готов был поспорить, что немало людишек, культивирующих плотские утехы, отдали бы души ради одной ночи с ней. Как мужчины, так и многие женщины. Людям только дай возможность прикоснуться к ангелу. Падки на запретное и непорочное до скрипа зубов.

По мнению же самого Саркона, Люции не хватало хотя бы маленького хвостика, а мокрые сложенные крылья вполне могли быть и перепончатыми, как у его отца. Это же гораздо красивее этого пернатого недоразумения.

— Курица! — На всякий случай сказал демон.

— Юнец безусый, — хмыкнула ангел, намекая на то, что демоны напрочь лишены волосяного покрова. Волосы просто воспламенялись там, где им доводилось бывать с их огнеупорной кожей.

Демон хотел называть Люцию ангельшей. Но ангелы не имеют рода — бесполы. Внешне она осталась той самой ведьмой, которую обратили на свою сторону в конце восемнадцатого века "пернатые". Разве что русые волосы стали белокурыми — не блондинистыми, не седыми, просто абсолютно белыми. Сероглазый ангел с длинными ногами, большой грудью с торчащими после холодного душа сосками. Все остальное подло отняли. Потому Саркон немного грустил.

В аду деления на полы не существовало. Здесь же оставалось только эстетическое наслаждение. Смотри, но не трогай. Но какой к черту смотри? Стоило Люции открыть рот и вся благопристойность ангела сдувалась сильным порывом ветра. По характеру ангел так и осталась ведьмой, несмотря на "чин" и муки перерождения.

— Что, еще работу подкинули? — прервала мысль демона Лю, как он вкратце называл ее, когда горло душило какое-нибудь существо. Как правило, более чем недружелюбное.

Она же в ответ звала его Сар, а чаще совсем по-свойски — "Сыр". Хотя бы за дырку на среднем из рогов, которая никак не желала зарастать.

У Саркона были три маленьких рога, так как не заслужил больших, а тут еще в средний рог на прошлой неделе попала освященная стрела обезумевшего паладина. Не больно, но обидно.

Довольно молодой парень, чистый от грехов и скверны, вдруг решил, что мир наводнили одни бесы и принялся убивать людей направо и налево. Оба посланника, конечно, быстро нашли морока, который был в этом повинен, но парня пришлось развоплотить. Малым развоплощением. Освободить душу, дать второй шанс.

Большое развоплощение или, как его чаще называют, "Переplавка" — это когда сама душа неизлечима и не может попасть ни в ад, ни рай, но не может и остаться или переродиться. Это само уничтожение бессмертной души. Оно возможно лишь в тех случаях, когда обе стороны дают согласие на ликвидацию. Последнее такое происшествие был еще до

рождения демона Саркона. В веке двадцатом было немало претендентов на Большое развоплощение, но в последние моменты все получали лишь Малое и длинную путевку по "нижним" этажам.

— Сыр, ты меня вообще слышишь? — донесся голос Люции. — Ты чего, рогатый, совсем слух потерял? Сейчас я тебе уши-то прочищу от серы твоей невыносимой! Иди мойся!

Демон встряхнул головой, отгоняя лишние мысли прочь. Коротко обронил:

— Самоубийца у меня. Душ потом. Пошли, прогуляемся.

— А потом спать ляжешь, — осуждающе протянула Люция. — Ладно, идем, грязнуля.

— От пернатой слышу!

Они быстро накинули обычную, неброскую людскую одежду: джинсы и футболки, а поверх — кожаные плащи. Как раз по осенней погоде. Межсезонье.

Ей плащ подходил, чтобы прятать пушистые крылья и скрывать от чужих глаз два коротких клинка на поясе. На демоне же свободный плащ маскировал костяные наросты на спине, груди, мелкие рога под капюшоном и роговые шипы на плечах. На поясе его свободно висели старые огненные перчатки на случай серьезной схватки. Хвоста у Саркона не было, проблем с этим не возникало. Рога свободно прятались под шляпой, если капюшон был неуместен. Крылья отсутствовали — полный порядок.

Оба вышли на улицу и неспешно побрели по закоулкам, блуждая в самых темных местах в поисках выхода одного из источников сил. Ничего необычного по дороге не попало и постепенно они пришли ко двору, где покончила с жизнью десятиклассница Татьяна — еще одна потерявшаяся душа мира Чистилища.

Межмирье было лучше видно там, где меньше источников света. Миры двигаются постоянно, точка перехода всегда создается в разных местах, генерируемая двумя мирами. Земным Энрофом и "Потусторонним": Инферно или Парадизом, тут уж как повезет. Место выхода всегда известно лишь приблизительно. Посланники знали, что его скорее почувствуешь, чем увидишь.

Центр города сиял, как разноцветная елка. Там нечисть и демоны легализованы, работают по договору. Здесь же, на периферии спальных районов чаще всего беснуются без повеления. Надо вразумлять или переправлять на первичное место, используя Малое развоплощение. Сложнее приходилось с серыми ангелами и магами. Первым сносило крышу и они начинали убивать людей, воспламеняясь фанатичным огнем, который никакой договор не волен потушить. Вторые баловались с реальностью на свой страх и риск с помощью внутренней силы, неосознанно провоцируя катаклизмы и катастрофы. Люди сильные вызывали их по настроению, по наитию. Но спрос с них за это был не меньший.

Незнание не освобождает от ответственности.

Но какая же все это была мелочь по сравнению со Свободными. Теми, кого уже и людьми-то сложно назвать. Самостоятельные регуляторы реальности контролю поддавались мало и ими чаще занимались правительства, используя законы физического мира.

Помимо основных источников сил — Неба, Преисподней, внутренней человеческой энергетики, магии серых нейтралов, природных стихийников и некромантии существовали группы, не подходящие под эти стандарты, обладающие чем-то иным. "Свободные" были одними из таких. То ли космос давал им силы, то ли сами генерировали с помощью дополнительных "источников питания". В этом никто не мог разобраться, как и ангел с демоном. Рядовым служителям оставалось только гадать и самим строить разные версии, а

вышестоящие всегда отмалчивались.

— Я устала. Пойдем, посидим в кафе, погреемся, — подала голос Люция, плотнее кутаясь в плащ. Погода стояла слякотная, дул пронизывающий ветер. Температура с заходом солнца неумолимо падала, вытягивая из тела последнее тепло холодными щупальцами.

— Земля выкачивает из нас изначальные силы, но это ничего не значит. Надо выполнять работу, — по инерции ответил Саркон, отмечая, что ноги сами ведут на оживленную, освещенную улицу поближе к теплым забегаловкам.

С каких это пор Люция стала на него влиять?

— Вот поражаюсь тебе. Ты же демон! — воскликнула ангел как упрек, хотя для Саркона это служило лишь похвалой. — Откуда такая ответственность? Я вот ангел, хоть и пониженный в должности, да жутко ленивый. Но все равно ногой бы не двинула, если бы не приказ Алронила и награда в качестве увеличения мощи крыльев за доблестную службу — "Ветер туч". Под доблестной службой мое начальство подразумевает соседство с тобой на протяжении всего этого времени. А это, согласишься, не простая задача. Но это я, а ты толстый, мощный. Должен быть ленивым. А сам трудоголик. И не стыдно?

— Я и сам не прочь вернуться домой, чтобы восстановить силы в пламени Геенны, — сквозь зубы прошипел демон, сдерживая ответный выпад. — Мне всего лишь стоит продержаться последнюю ночь, чтобы не отводить взгляда от пылающих глаз Сефирота. У нас не понижают. У нас в лучшем случае развоплощают Малым заклинанием или есть что похуже... наткнуться на презрение братьев, например.

Двор самоубийцы показался за разговором. Зрение обычного человека не выловило бы ничего в сером мире, но мир энергий для всех прочих существ вокруг окрасился в печальные тона. На этом клочке физического мира еще долго не будет улыбок. Неприкаянная душа, не зная, куда податься, подчиняясь горю и эмоциям, выделяла огромное количество духовной энергии, которая преобразовывала мир вокруг.

Чувствительные к энергетике люди будут ощущать здесь уныние. Дети откажутся играть, старикам станет дурно, а зимой ни один человек поскользнется — обязательно неудачно — ломая кости. В лучшем случае получит вывих или растяжение.

— Что же ты, Татьяна, наделала? — пробормотал Саркон.

Самоубийцы... Их наказывают за чужие жизни. Жизни близких людей. Карают за причиненное им горе. Вот и молодая девушка с длинными, светлыми волосами, стоит посреди двора в окружении людей, визга полиции и "Скорой помощи". Ничего не понимает, считая случившееся дурным сном.

Саркон вздохнул, быстро оценив рабочую обстановку. Душа стояла, не спеша расставаться со своими тонкими телами. Теперь сбросит их не скоро. Не уйдет по истечении сорока дней, как положено всем смертным. Привязала себя к физическому миру тяжелым якорем боли преждевременной смерти.

Татьяна нависала над разбитым телом. Своим телом. После падения с седьмого этажа, оно не выглядело так же хорошо, как при жизни. Кровавая лужа под ним быстро остывала. Мозг девочки умер, сердце и отбитые внутренние органы еще работали. Состояние клинической смерти, что прервется смертью в больнице под аппаратами искусственного дыхания ближе к утру.

Саркон облизнул клыки, ощущая тень агонии, боли, которую душа будет переживать еще очень долгое время.

Вновь и вновь.

Люция, шепнув на ухо демону, ушла — достался персональный вызов на место где-то невдалеке. У ангелов тоже хватает работы: спасать, защищать, наставлять, поучать, вразумлять. Человеку лень заботиться о себе самому, призывает пастырей.

Саркон проигнорировал ангела, стоя за спиной девочки. Он уже полностью был поглощен работой. Читал мысли Татьяны. Этот шестнадцатилетний клубок противоречий невольно заставлял умиляться. Что за мысли? Просто чудо для демона! Самоубийца считала, что причины, по которым ушла из жизни, веские. Более чем веские! Наиглавнейшие — и никак иначе! Смерть казалась ей единственным выходом. Как можно жить, когда нет парня, с подругами поссорилась, отец не любит, мать нагрубила, давно перестав ее понимать, сестра тоже не понимает, а в школе конфликт с классным руководителем, да еще и одноклассники смеются над ее внешним видом. Серая мышь, последняя девственница в классе. Завтра будет только хуже. Стоит ли ждать завтра или покончить со всем сегодня?

Сегодня! Так посчитала девушка в неполные шестнадцать лет. А тут еще и сообщение в социальных сетях. Комментарий под фотографией — "такой уродине лучше умереть. Сыграй в игру. Или слабо?".

Переходный возраст и депрессивный образ мыслей, который мешает искать другие пути, склонили к одному решению — в этой жизни ей не место. Проще шагнуть в распахнутое окно, чем со всем разобраться. А провокаторы из социальной сетей, мелкие бесы по совместительству, понятия не имея на что обрекающие свои души, лишь подливают масла в огонь.

Умереть просто — раз и нет ее. Все будет позади, все горести, печали. Все что угодно, лишь бы уйти от проблем, уйти от этой жестокой жизни.

И Татьяна совершила шаг, который изменил все. После свершенного, вернуть ничего невозможно. Одним легким движением смахнув себя с подоконника, лишила душу любых шансов на счастье. Не только счастья для себя, но и для тех, чью любовь не сумела вовремя понять и оценить.

Последнее, что Татьяна слышала, был крик. Пронзительный крик. Чей? Она не знала. Может это кричала ее душа?

Еще самоубийца запомнила мимолетное ощущение полета и резкая боль во всем теле пронзила насквозь. Затем свет и снова серый мир, как будто и не было ничего. Никакого туннеля разглядеть не удалось. Может, люди просто вбили себе в головы, что он должен быть?

А потом она увидела серый двор и тело. Свое тело. И только глядя на него со стороны, смогла заметить, что была не такой уж и страшной, как думала о себе. Или это смерть так расслабила тело, что ушла внутренняя напряженность, исчезли все рамки и барьеры? Осталась лишь она сама. Один на один с собой.

Саркон схватил девушку за плечо, безжалостно отрывая от последнего взгляда на тело, перед тем как его унесут санитары, рывкнул:

— Дура! У тебя должны были быть дети через несколько лет. Ты убила не только себя, но и сына. И дочь двумя годами позже. Знаешь, сколько тебе теперь мучиться за три отнятые жизни? Отнятые по твоей воле!

Девушка вздрогнула, поворачиваясь и разглядывая мощную фигуру демона, который в данный момент был незрим для столпившихся людей. Невидим, как и она.

— Ты убийца! Серийная! — Продолжил нагнетать демон.

Саркон был грозен. Желто-карие глаза смотрели безотрывно, с вызовом. Острые зубы,

сплошь клыки, скалились в хищной ухмылке. Скорее волчий оскал посулил бы что-нибудь хорошее, чем этот.

— Ты... вы... за мной? В ад... да? — заикаясь, выговорила Татьяна, не задавая себе вопросов, чем же она говорит, если тело — вот оно, рядом. — Я же выполнила условия игры.

— Какой к чертям игры?!

Девушка не ответила.

— Совсем мозгов нет? — Продолжил демон. — Тебя взяли на слабо. Развели. Забыла слова матери в детстве "что, все прыгнут с девятого этажа и ты прыгнешь?".

Татьяна повертела головой, действительно вспоминая эти слова.

— Я займусь организаторами ваших игр со смертью позже. — Пообещал демон. — А сейчас разберемся с тобой.

Сознание девушки еще не оправилось от шока и полностью ассоциировало себя с телом. Живым телом. О возможностях души девушка не задумывалась.

— Меня спасут! Вон скорая помощь!

— Кому ты там нужна? Ты — жалкое, ничтожное существо! Полчаса назад все было в твоих руках. Твоя жизнь была в твоих руках! Ты могла взяться за учебу, заняться спортом и найти новых друзей, помириться с родителями, в конце концов! Но ты решила, что проще будет загнать себя в тупик. Гордость не позволила найти другой выход?!

— Не надо нотаций, — привычно огрызнулась Татьяна, забывая, с кем разговаривает.

— Их не будет, — демоническая улыбка вогнала девушку в дрожь. — Ты сама все увидишь, сама ощутишь. Будет весело, обещаю.

Татьяна сложила руки на груди.

— Забирай мою душу и убирайся!

— Хорошо...но ты забыла, что твоя душа это ты и есть после смерти тела.

Скорая помощь уехала, забрав тело. Следом за ними покинула двор полиция, народ начал расходиться — шоу закончилось. Дело возбуждать не стали — стопроцентное самоубийство, а значит, и делать здесь больше нечего. Так, формальности для протокола. В лучшем случае заглянут с переписку в социальных сетях... но за недостатком улик дело вновь уйдет в долгий ящик.

— Ха-ха-ха, — громыхнул Сар. — Ты все еще ничего не поняла. Я пришел заставить ТЕБЯ страдать. Сейчас я покажу тебе, что такое работа демона.

Знакомый двор сменился ровной поляной с мертвой серой травой. Ночь сменилась днем. День был сумрачным, в воздухе носился аромат горьких трав. Слишком горьких для поздней осени. И как она вообще ощущает эти запахи? У души же нет носа? Или это все причуды демона? Зачем ей ощущать эту горечь?

Татьяна с демоном стояли посреди поляны. Никого вокруг. Девушка, ничего не понимая, уже хотела было повернуться к рогатому, чтобы спросить, зачем он принес ее сюда, но в следующий момент рядом появился маленький мальчик. Кудрявый голубоглазый карапуз лет двух-трех в джинсовом комбинезоне. Он протянул пухленькую ручку к Татьяне, и она, улыбаясь, протянула свою в ответ... Но руки не встретились.

Духи не могут касаться друг друга.

— Это твой сын, — громыхнул Саркон. — Первенец. Родился бы на четвертом курсе института. Какого института? Теперь не важно, но поступила бы ты с первого раза своими силами... Обидно, да?

По щекам Татьяны потекли безмолвные слезы. Она хотела обнять карапуза, прижать к

себе и ощутить тепло, но руки проходили сквозь него. Все, что оставалось делать, это смотреть в осуждающие голубые глаза. Такие родные, знакомые.

Ее глаза! У него были ее глаза! Несостоявшаяся мама.

Рядом появилась маленькая девчушка с заплетенными косичками, радостной улыбкой, ямочкой на щеке. Она расставила руки и требовательно потянулась к Татьяне.

Дважды несостоявшаяся мама лишь обреченно рухнула на колени, содрогаясь в рыданиях.

— Дочь. В любви и согласии, — смаковал каждое слово Саркон. — Ты же придумала имена? Еще несколько лет назад, не так ли? Ну, скажи, назови их по имени! — демон резко сорвался на оглушающий рев. — Обними покрепче!!! Ну, чего же ты валяешься у них в ногах и реवेशь?! Смотри им в глаза и ощущай то, чего у тебя НИКОГДА не будет!!! Н-И-К-О-Г-Д-А!!!

Татьяна согнулась в рыданиях.

Демон совсем спокойно добавил:

— Их духи будут навещать тебя каждый день. Чтобы не скучала. День ото дня. Каждый день... М-м-м, как мне нравится это слово — бесконечность.

Дети исчезли. Поляна с пожухлой травой и увядшими цветами тоже. Они снова находились посреди опустевшего двора. Саркон возвышался во весь рост, а Татьяна стояла на коленях и тыкалась лбом в асфальт, как молящийся юродивый. И не ночь была, а лишь ранний вечер.

— Ты не любила старшую сестру? Ты считала, что она тебя ненавидит. Так? Тогда смотри, что она пережила! — и он схватил ее плечо, больно сжал (дух ли, душа ли, но когти демона отчетливо ощущались на коже, впиваясь остриями, вспарывая кожу), рывком поднимая на ноги. Сильные пальцы подняли подбородок и направили взгляд на верхние окна.

Там раскосая девушка стояла на подоконнике и смотрела вниз. Еще миг и она — Татьяна живая — сделает шаг и...

Демон развернул Татьяну в противоположную сторону. С магазина в сопровождении подружки шла старшая сестра Марина. Едва увидев на подоконнике сестру, Марина бросила полные продуктов сумки и кинулась к подъезду.

Остановить! Только бы успеть остановить!

— Нет! Нет, Таня! НЕ НАДО!!! — Ее крик оглушил Татьяну, отчетливо увидавшую ужас на лице старшей сестры.

Это она кричала. Это ее крик застыл в ушах.

— Хочешь узнать, что она ощущала? — Демон рывком толкнул Татьяну, и она неожиданно оказалась в теле сестры.

Ужас овладел ею. Она смотрела глазами сестры на окно седьмого этажа. Она видела, как девушка сделала шаг, расправила руки и тяжело полетела вниз. Полетела некрасиво и слишком быстро. Совсем не так, как в красивых, но лживых фильмах. Где же этот момент замедленной съемки? Где расставленные как крылья руки?

— Да, да, знаю, что ты хочешь насладиться этим моментом. Знаю, — донеслось от демона, и он замедлил падение тела и время.

Теперь это была их реальность.

Татьяны и демона.

Жертвы и мучителя.

— Сколько раз повторим? Сотню? Тысячу? Как насчет миллиона?

— Не надо! — надрывно закричала Татьяна.

Крик усилился.

Демон рассмеялся и только плотнее принялся за работу...

Падение, казалось, длилось вечность. За это время сердце Марины, а с ней и Татьяны, сотни раз застыло, больно било в грудь и волны ужаса гуляли по телу человека и духа. Момент шока растянулся до бесконечности. Муки лучше для самоубийцы придумать было

нельзя. Татьяну цепляло за самое близкое, родное, живое... все еще живое.

После падения на крик из дома выбегут родители.

Плач, рыдания...

Отец попытается взять раздробленную голову на колени, а волосы на висках поседеют на глазах. И мать упадет рядом, колени будут обагрены кровью дочери.

Ее кровью!

Так продлится до момента, пока скорая помощь не заберет тело. Повторится не раз и не два, и будет повторяться до той поры, пока демону не надоест.

Татьяна видела это уже сотни, тысячи раз, а настырный демон раз за разом прокручивал каждую деталь, каждую эмоцию. Мучитель смаковал, комментировал, наставлял. Он был полновластным режиссером этого фильма и пытался донести до единственного зрителя каждый момент, каждый кадр. И это был не последний туз в рукаве демона. Пока были лишь мелкие карты, без картинок. Джокер впереди.

Когда тело самоубийцы рухнуло в очередной раз, и череп с сухим стуком раскололся об асфальт, Саркон вытащил Татьяну из тела сестры, и двор сменился помещением реанимационного отделения. Об этом оповещала тусклая табличка над входом. Суесящиеся врачи и медперсонал не оставляли в этом никакого сомнения.

Ярко освещенный коридор. Белые двери. Стены окрашены в темно-зеленый. На стульях у палаты сидят мать с отцом. Опершись о колени, он зажал голову руками, и крупные слезы катятся по щекам, она не плачет — застыла.

Татьяна не могла припомнить случая, чтобы отец рыдал. Ни одного. Но сейчас он именно рыдал. Выл как раненый зверь. Неужели ничто не в силах его остановить? Видимо, только время.

— Или алкоголь? Много алкоголя! — Напомнил о себе Саркон за плечами. — Что, любил тебя папашка, да? Еще как любил, слепое ты ничтожество, — бросил в спину демон. — Не эти ли слезы говорят, что обожал? А теперь он начнет пить. Пить и пенять твоей сестре за то, что она не успела... Молодец, умница, Татьяна. Ты одним своим шагом развалила семью. Самостоятельная. Единолично приняла эгоистическое решение. Хвалю.

В следующую секунду из палаты вышел человек в белом халате. Отец Татьяны, смахнув слезы рукавом, поднялся навстречу ему и что-то тихо спросил. В ответ хирург лишь плотно сжал губы и медленно покачал головой.

Отец опустил обратно на стул. Лицо побелело.

Возобновившиеся рыдания матери прокатились по отделению. Прорвало.

— О, какая ирония, — хмыкнул демон, — ты только что окончательно умерла. Хочешь посмотреть на то, как медсестра прикроет глаза? Я же знаю, хочешь. Еще как хочешь. Пойдем, красавица, посмотрим на твое окончательно мертвое тело. Конфетка перед вскрытием.

Он взял за руку и завел в палату.

Кровать. Окровавленные повязки. Аппаратура. Недавно пикавшая, теперь смолкшая, погруженная в молчание. Больше не борется за ее жизнь. Ушла жизнь.

Санитары ввозят носилки. Белое тело небрежно, бесцеремонно бросают с кровати на каталку. Ему теперь все равно, а санитарам и подавно. Теперь морг, патологоанатом и могильщики — последние "друзья" тела. Наведут лоск — посмертный грим.

— О, нет. Ты не хочешь посмотреть на палату? — Хохотнул Саркон. — Ты хочешь посмотреть на свое вскрытие и на то, как поддатый санитар тебя обмывает? Знаю, ты хочешь

вкусить всю прелесть ритуальных услуг. Будешь в лучшей одежде. Красавица такая, напомаженная и покрашенная. Тебе даже улыбку сделают, словно умерла в объятьях мужа. А черепушку поставят на место насколько возможно. Чем-нибудь заклеят. Гости на похоронах не увидят рваных швов на твоём теле. Красота, да?

Тане хотелось стошнить, вывернуться наизнанку, но духи, увы, не способны извергать из себя хоть что-то.

Таня хотела упасть в обморок, но духи не могут.

Таня хотела вонзить себе нож в сердце, но ДУХИ НЕ МОГУТ!

Только явь! Только самое жуткое из возможных ощущений реальности вокруг!

Вместе с красноречивым эскупером они появились на новом кладбище. Пустырь с подтопленными дождями могилами и покосившимися крестами. Просто ещё одно место, выделенное муниципалитетом для города мертвых.

— О, отличное местечко. Его как раз ещё не благоустроили, — любезно подсказал демон. — В соседях у тебя безымянные бомжи и алкашня. И мать будет вновь и вновь рыдать, терзая душу отцу, почему он не выбил для любимой дочери места получше? А он не мог, Танечка. Не смог! Хорошие места дорого стоят, а твои похороны и так основательно опустошили заначку семьи. Ах да, это были твои деньги на институт. Или на большой подарок, если поступишь на бюджет как отличница. Ты же была отличницей, Танечка? Да, умница ты моя?

Татьяну рвало на части. Демон издевался и подначивал, не прекращая пытку, не давая передохнуть и мгновения. Карусель пыток с единственным рубильником в его руке.

Незримые наблюдатели пристроились в конце скорбной процессии, и пошли сквозь провожающих самоубийцу. Никто не замечает ее присутствия. А если и чувствует что-то, списывает на стресс.

Те, кого Татьяна касалась, передавали ей свои ощущения, мысли, чувства. "Такая молодая, вся жизнь ещё впереди", "Дура, так и родители скоро рядом лягут", "Жить бы ещё да жить", "Ещё же совсем ребенок", "А такой милой девочкой была", "Такое будущее могло быть".

Много эмоций, много страданий, много мнений. Всех объединяет печаль. Каждый ощущает себя чуть ближе к могиле. Каждый пропитывается страхом смерти и проникается теми мыслями, что когда-то и его понесут в гробу закапывать в землю. Лично ЕГО в эту самую сырую землю. Чтобы стал прахом, тленом.

Демон посмеивался, и подталкивал к краю могилы. Туда уже положили гроб. Двое копателей ожидали, пока скорбящий народ отдаст дань уважения, покидав по горсти земли. Ждали, чтобы поскорее закопать самоубийцу и вернуться домой. Там принять горячую ванну, отужинать и посидеть в кругу семьи за телевизором, оставив весь этот ужас здесь, а горе — лишь её семье. Ведь человек ко всему привыкает. Работающие в индустрии смерти тоже люди. У них тоже есть семьи и другая жизнь. Другая, помимо работы.

У Тани не осталось эмоций. Демон выжег все изнутри, выдоил до последней капли, осушил. Девушка просто вглядывалась в лица и впитывала все эмоции присутствующих на своих похоронах, как губка. Им так будет проще, а ей уже все равно. Хоть от кого-то откусить кусочек боли, убрать негатив, которым именно она всех пропитала. Сделать хоть что-то для живых. Может, когда-нибудь... хоть когда-нибудь простят.

Внезапно девушка-самоубийца заметила среди людей хмурого парня. Он не рыдал, стоял чуть вдали от всех, но на белом лице читалось столько боли и горечи, что казалось — парень

лил слезы внутри себя.

— Леша? А что он здесь делает? Я бы никогда не подумала, что он может прийти ко мне на... похороны, — добавила после паузы Таня.

— А-а, этот? — протянул демон, почесывая подбородок. — Это твой несостоявшийся муж. Пришел попрощаться с тобой.

— Алеша?! МУЖ?! Но почему? Почему он здесь??? Это... это невозможно! — Впала в истерику девушка.

— Потому что ты была ему дорога. Стал бы он так просто твоим мужем? А? Глупая ты. Разве завели бы вы двоих детей, если бы не любили друг друга? Брак по расчету не для семей со средним достатком. Вы же не из "золотого миллиарда", так ведь, крошка? Значит, все могло быть только по любви.

— Что?! — Опешила Таня, срываясь на истерику: — Нет! Ты ошибаешься! Он не мог быть моим мужем. Он... слишком... красив... — непонятные слезы задушили ее, оборвав слова. Она и слезами-то их называла лишь по инерции. Эта гамма ощущений за пределами тела была гораздо большего спектра. Рвало на части саму ее душу.

— Ха-ха-ха! — веселился демон. — Красив и умен! А ты тупа и мертва. Вот незадача!

— Он ко мне ни разу не подошел даже! — выпалила Таня, находя в себе силы для хриплого голоса. — Я же даже не нравлюсь ему!

— Это не так, — спокойно ответил Саркон. — Человек не всегда способен понять другого человека. Более того, почти никогда не понимает. А когда думает, что понимает, то чаще всего ошибается. А здесь ошиблась ты. Не много ли ошибок для одной девочки, а, Танечка?

Самоубийца ощутила новую порцию боли. Она пришла из ниоткуда и была подобна второй смерти.

— Ты боялась с ним заговорить, — продолжил довольно демон. — А почему ты думаешь, что он не боялся? Ты делала вид, что не замечаешь его. Как он мог узнать, что нравится тебе? Его пугало то, что ты посмеешься над его чувствами, только и всего. Вы, люди, странные существа. Внешне часто не проявляете никаких ощущений, но внутри у вас творится то, чего и сами не признаете, скрываете даже от себя. У меня просто слов не хватает, чтобы описать, насколько вы бываете неправы.

— Это не честно! Я не знала!!! — прокричала что есть сил Таня и вновь сокрушенно опустилась на холодную землю.

— Честно. Все было в твоих руках, — напомнил Саркон. — Твой выбор. Или ты думала, что "черная полоса" никогда не заканчивается? А была ли она такой уж бесконечной? Или ты просто шла вдоль нее? Подумай. Времени у тебя будет много. Оно все теперь для раздумий.

Ветер хлестал по лицу вполне ощутимо. Татьяна смотрела на одного лишь Алексея, который тихо стоял в окружении людей, не привлекая к себе и порции внимания. Стоял одинокий, поверженный. Как птица, у которой отняли крылья.

— Леша... — тихо прошептала она. — Ну почему все так? Дура...

— О, первая разумная мысль за день, — добавил демон. — Устроим перекур или показать тебе, что случилось с Лешиком вскоре после твоей смерти? Уверен, ты не устала. Ты же так любишь смотреть это кино. Ты наслаждаешься им... Это все, что тебе осталось.

Омертвевшие листья плавно ложились под ноги. Только начало осени, а листья черные и безжизненные. И мир вокруг серый и жестокий. Хмурый и подавленный. Уничтоженный и

обездушенный. В нем совсем нет жизни, как и в самой Татьяне. Ее жизнь осталась на асфальте во дворе.

— Что могло случиться с Лешей? Он хорошо учится и вообще красавчик. У него будет лучшая жизнь, чем... чем могла быть со мной, — всхлипнула Таня. Слова ее звучали слабо и неуверенно.

— Ну, как тебе сказать... смерть близких иногда меняет людей, — и демон хлопнул в ладоши. — Посмотрим, что же ты подарила своему Лешке? Такой небольшой подарочек. Нежданный сюрпризик, ломающий психику...

Вечерний парк с ненастной погодой и редкими прохожими. Скамейка, забитая пьянствующей молодежью. Пиво гуляет по рукам, бутылки пустеют на глазах. То и дело над головами поднимается в воздух облачко дыма. Огоньки сигарет мелькают чаще, чем слова.

Алексей сидел в компании изрядно подвыпивших приятелей и допивал бутылку водки. Самой дешевой, самой худшей, пахнувшей примесью. Допивал, хлебая прямо с горла. Взгляд был отсутствующим, он смотрел прямо перед собой, не замечая мира вокруг.

— Во ботан дает. Выжрал за раз, — донеслось от "другана". — Алкаш! Я же говорил, что все отличники так бухают, когда срываются.

— Он же, сука, последнюю выхлебал, — сосед щелкнул Леху по лбу, и компания закатилась пьяным смехом.

— Отвали, — обрубил Леха, не меняя хмурого выражения лица. Даже не посмотрел на обидчика.

— Да харе из себя страдальца строить! Сорок дней прошло, начинай новую жизнь! Мы тебе такую деваху найдем, закачаешься. С во-о-от такими сиськами, — еще один "кореш" показал грудь, не существующую в природе.

Компания вновь заржала.

— Заткнись, — прохрипел Алексей, просверлив хохочущего холодным взглядом. — Это вы, ушлепки, ее довели. Каждый раз ржали, издевались над тем, как выглядит, что говорит. Бараны тупые. Затюкали девчонку, вот и прыгнула в окно. Козлы!

— Чего? — Буркнул один.

— Ты за базаром-то следи! — Поспешно добавил второй. Вроде поток ругательств превысил допустимую "норму", и пора было напомнить, что почем.

Алексей же не унимался. Напротив, ткнул в одного из притихших опустевшей бутылкой.

— А ты, Рыжий, ее больше всего доставал! Сраный садист! Ты ее мышью постоянно называл! — Глаза Алексея сверкнули. Он перевернул бутылку и ударил о край скамейки. По асфальту разлетелось стекло. В руке осталась "розочка".

Резко вскочив со скамейки, Алексей, не особо понимая, что делает, ткнул розочкой в глазницу рыжего здоровяка.

— Что, сука, получил? Кто теперь мышь? А?! — прокричал обезумевший от внутренней боли одноклассник, вынимая розочку и снова втыкая в лицо мучителя любимой.

Затем снова, снова.

Вся компания, застыв, смотрела, как лицо дружбана покрывается кровью и превращается в мясо. Никто не мог отвести взгляда или просто что-то сказать. Всех словно парализовало.

Татьяна стояла, опешив. Рот открывался, чтобы что-то сказать, но не могла выговорить и звука...

— Умышленное убийство с крайней жестокостью, — ввел в курс дела демон. —

Шестеро свидетелей. Пятнадцать лет колонии строго режима. Проживет там восемь месяцев, а потом сорвется, наделает ошибок и получит заточку в бок. Довольна? — любезно поинтересовался демон и коснулся плеча...

Родная квартира. Поздний вечер.

Мать сидит на диване в темноте и плачет, плачет.

— Она постарела и не понимает, зачем дальше жить, — продолжил Саркон. — Только если ради старшей дочери. Но едва та выйдет замуж и переедет, как твоя мать сломается. Потеряется последняя связующая нить.

— Последняя? А где отец? — одними губами прошептала Татьяна.

— Нет больше папашки. Сердце-то не резиновое. Боль, водка — инфаркт.

Таня безмолвно открыла рот.

— Знаешь, что? Ты оставайся здесь, смотри на мать, наслаждайся сделанным. У меня еще таких, как ты, вагон и маленькая тележка, — продолжил Саркон. — И всем надо показать их любимый фильм. Так что пойду я, Танечка. А тебе на прощание скажу, что из-за стресса, пережитого твоей сестрой, она никогда не будет иметь детей. Это последнее наследие, что ты привнесла в свой дом глупой смертью. А теперь прощай, Татьяна. Прощай, как ты сказала своей жизни.

— Нет! Стой... Подожди. НЕ БРОСАЙ МЕНЯ!!!

Демон больше не слушал, оставив ее в замкнутом мире боли один на один с собой...

Саркон, полный сил и энергии, вышел из двора, как из портала. Теперь там два мира. Обычный и страдальческий — вотчина самоубийцы. И душа девушки сможет выйти из него только тогда, когда сама сумеет простить себя.

Это будет нескоро. Душа честнее разума человека. Не ищет себе оправданий, предпочитая полное очищение от скверны сделанного "головой". Человек сам создает себе и рай, и ад, сам решает свою судьбу, на то Даритель наделил его душой. Так что прощение может случиться сегодня, а может не случиться никогда. Возможно, она могла бы простить себя раньше, но с теми картинками, с теми иллюзорными мирами, что показал ей демон, самоубийца выйдет из внутреннего мира совсем нескоро.

Человек наделен большими силами и все зависит от того, на что он их тратит. Кто на развитие, кто на деградацию, кто на самоистязания. Щедрое мироздание дарит каждому свое по его требованию.

Такая была у Саркона работа. Все страдания души Татьяны напитают ни одного беса, прежде чем она иссякнет окончательно. Человек — самая мощная энергетическая установка. Но даже она имеет пределы.

Все в мире имеет предел.

Рядом возникла Люция, заметила:

— Привет, Сыр. Что-то ты сегодня долго возился. Целых полчаса трудился. Поймал кайф от работы? Понравилось?

Действительно, то, что тянулось для Тани бесконечно долго, для обычного мира растянулось на полчаса, не более. Время в разных вариациях миров течет по-разному. Антимир — не исключение.

— Зато сколько сил! Сколько сил! — подметил Саркон. — А тебе кто достался?

— Да двое. Любящая пара. Насилу примирила. Хорошая, крепкая семья будет, — и Люция улыбнулась лучезарной улыбкой ангела.

Саркон для себя заметил, что куш сорвала не меньший, чем он. Что ж, у каждого свои

Методы.

Жаль только, человек как источник всего один.

Дождь. Мелкая, нудная морось сыпалась на плащи, собираясь в капли и скатываясь вниз, под ноги. Холодная, непонятная погода. Рай для простудных заболеваний. Длинные локоны Люции намокли. Белые пряди торчали из-под капюшона и свисали на груди, набирая влагу и вес. Ангел шурилась от порывов ветра и прижималась к напарнику. Он большой — пусть защищает от ветра и непогоды.

Саркон хмурился, но ангела не отстранял, наоборот, расстегнул плащ и прижал к себе, делясь теплом, грея своим телом. Да и объятие напарницы, вопреки привычке демонов считать ангелов уродами, было приятно. Если не поделиться с этой мокрой курицей теплом, с кем потом работать? Дадут урода еще похуже. А ее дыхание обжигает. Не пламя Преисподней, но от прикосновений тонких ручек по грубой коже странные ощущения. Приятно. Вспомнить, когда с ним было подобное, он не мог. Она словно ласкает льдом. Демон ненавидел холод, но этот терпеть мог.

Люцию как новообращенную никто не воспитывал в духе ангельских сообществ. В кровь вместе с постулатами ненависти к демонам не привили. Сар грел, и этого было достаточно, чтобы считать его своим. Большой, теплый, добрый мишка, хоть и вредный.

Новый улов состоял из студента. Молодой человек в очках по жизни ничем темным не отметился. Но теперь он восседал на груди извивающегося сатаниста.левой рукой студент вцепился жертве в горло и душил. Старался наверняка, чтобы лишить жизни. Правая рука уже была занесена для удара. Острый нож в виде распятия, уже пропитавшись кровью, чуть дрожал в этой руке. Вероятно, юноша так увлекся, что начисто забыл про более быстрый способ лишения жизни. А, может, его забавлял вид противника — выпученные в страхе глаза, искривленный рот. Студент развлекался. Еще двое жертв лежали чуть в стороне, истекая кровью и уже без сознания.

— Еще один религией загрузился! Он мой, — на бегу бросила Люция.

— Что-то очень похоже на тот случай с развоплощением, — прокричал в ответ демон. — Будь осторожна!

Оба стали видимыми.

Фанатик, ослепленный яростью, не заметил гостей за плечами. Он уже был готов вонзить в жертву лезвие ножа. Но ангел ногой в берце врезала ему в живот. Мститель веры мгновенно сложился пополам от мощного удара и закашлялся. Острое распятие звякнуло об асфальт.

Люция быстро притронулась ко лбу обезумевшего, на секунду вспыхнул свет — студент мгновенно уснул, отключившись. Сатанист, почувствовав свободу, отполз в сторону, но увиденное поразило его до дрожи. Он расплылся в безумной улыбке, дернул головой, и мир потух в его глазах.

Ему снились ангелы... Через семь минут молодого фанатика обнаружит патруль. Студент столько наговорит сторяча, что потом не увильнет от психиатрической экспертизы. Состоится суд, который признает его невменяемым и немалую часть жизни он проведет в психиатрической лечебнице. Где и сможет вести миссионерскую деятельность среди

слабоумных и читать им проповеди. Но это будет позже, а сейчас двое посланников вновь стали невидимыми для посторонних глаз.

— Любопытные экземпляры, — подал голос за спиной ангела Саркон, поглощая энергию носителей своего эгрегора — трех сатанистов. Без жалости выпил всех почти до дна.

Люция повернулась, кивнув. Демон присел перед павшими душами и вновь прочитал тех, как открытую книгу. Вслух произнес:

— Этот убил свою бабушку ради квартиры. А этот зарезал любимую девушку после того, как она сказала, что беременна. Оба умрут до приезда скорой помощи, я забрал слишком много. И только спасенный тобой сатанист ограничился резней кошек. Ему дали шанс выжить, поэтому его добивали последним.

Люция устало повела плечами, буркнула:

— Каждый сам выбирает свою судьбу. Ты-то хоть поел сейчас немного, а я снова совсем голодная. И почему "твоих" всегда больше?

— Да разве это энергия? — Пробурчал демон. — Хиленькие шестерки. Вот когда тебе встречаются экземпляры, то ты сыта несколько дней. Мне чаще, тебе больше. Баланс.

— Я есть хочу! И замерзла! — Заканючила ангел.

— Горячий капучино еще никто не отменял, — напомнил демон.

Двое вышли на освещенную улицу, побрели вдоль рядов фонарей и света окон квартир. Ночь только начиналась, и работы еще предстояло немало. Ноги вновь повели к кафе. Там тепло, там свет.

Впереди прошла неслабая девушка-маг, понятия не имеющая о своей силе. Она была в скверном настроении, мыслями создавала вокруг нестабильное поле. В лучшем случае изменит в городе погоду, в худшем — вызовет массовую катастрофу и погубит людей. При мысли об угрозе все мечты о тепле и отдыхе улетучились.

Люди даже не подозревают, насколько влияют на мир вокруг себя. Каждый из них.

Саркон кивнул напарнице. Переглянулись. Кафешка снова отменяется. Оба стали видимыми и неспешно побрели за магинею, переговариваясь, перекидываясь шуточками, как обычная молодая пара. И внимания не привлекут, шагая в отдалении, и следить можно, не отставая.

Сбылся худший из возможных вариантов. Девица своими невеселыми мыслями привлекла внимание группы пьяных отморожков. Эти теперь не отстанут, почуяв и ее внутреннюю силу, и страх.

Люция нахмурилась — распознала в одном из пьяных нечисть, накинувшую личину собутельника для прочих. Он и подстрекает компанию на "подвиги". А потом все не могут вспомнить с чего все начиналось.

— Ну, сейчас начнется, — сокрушенно протянула ангел.

— Я не могу его просто убить, — напомнил Саркон. — Не имею права.

— А я не могу ее просто защитить... Повода нет. Молитву не творит.

— Тогда посмотрим спектакль, — пожал массивными плечами демон.

— Девушка, дай закурить, — процедил сквозь зубы один из пьяной компании магине.

Она обернулась. Ангел и демон увидели немного растерянное лицо, открытый взгляд, пирсинг-гвоздик в носу.

— А не дашь — сами возьмем, — добавил подстрекатель девушке, гулко хохотнув. Девушка в растерянности остановилась. Саркон прибавил шагу, надевая боевые перчатки. Сможет вмешаться после первого удара. Лишь бы он не оказался фатальным. Сфера над головой магички пропиталась страхом. Темное облако смешалось с недавними эмоциями: "Да что бы вы все сдохли!", "Когда уже рухнет этот мир?", "Как же все это надоело, хоть под колеса прыгай!"

Страх пропитал эмоции темной силой, сфера увеличилась в размерах.

— Что делать? — крикнула ангел, хватаясь за клинки.

— Ждать, — бросил демон.

Девушка что-то испуганно ответила пьяной четверке. Подстрекатель подтолкнул еще

одного "другана" из компании. Тот придвинулся в жертве, готовый к действиям.

Люция сконцентрировалась. Судя по развитию возможной линии событий, через тридцать шесть секунд, когда девушка попытается вырваться, нападавший ударит ее кулаком по лицу. Сфера лопнет от волны страха и произойдет крупная катастрофа. Люди не понимают, что каждой эмоцией вызывают целую бурю в тонком мире энергий. Что-нибудь вблизи обязательно взорвется, разобьется, уничтожится. Нет ничего случайного, и нити будут тянуться гораздо дальше, чем способен просчитать посланник другого мира.

У девушки есть только один шанс вспомнить о чем-нибудь хорошем, иначе вмешательство Саркона неизбежно. Лучше уж четыре убийства на прожор демонам, чем катастрофа для сотен людей. Принцип меньшего зла. Огненные перчатки телепортируют черные души в ад. Как неспособных сокрушаться самим, их будут пытаться совсем другие сущности. Где черти постараются, где бесы помогут. Отголоски этих изобретательных мук и есть понимание ада в людских умах, которые описываются и даже зарисовываются людьми, видящими тонкий мир, уже тысячи лет подряд.

Люция прикрыла глаза, концентрируясь на радужных мыслях, на тепле и свете, на добре и помощи, на свободе и ощущении полета. Светлый шар полетел в темную сферу, но почти весь растаял, попала лишь капля... Из переулка вынырнул парень с массивными наушниками на половину головы. Плеер играл на всю мощность, лицо незнакомца было радостное, расслабленное. Парень судя по форме был явно спортивным и в хорошем настроении.

Не останавливаясь, он на ходу пригляделся к компании и девушке. Оценил обстановку... не свернул. Пошел прямо к компании.

— Помогите, — жалобно обронила девушка одними губами, полуобернувшись.

Парень кивнул. Даже ускорил шаг. Не останавливаясь, тяжелым ботинком "каamelot" дал под колено нечисти-подстрекателю, пристающему к девушке. Массивный кулак прорезал воздух, сбивая с ног второго нахала еще до того, как тот повернулся. Третий нападающий оказался проворнее — обхватил сзади, давая возможность четвертому врезать парню под дых. Но меломан не стал ждать удара, сполз вниз как капля воды, плечами раздвинув захват. Схватил за ногу державшего его и потянул вверх. Третий рухнул на асфальт, разбивая темечко о мокрый бордюр. Четвертый тут же получил по печени кулаком, а когда согнулся, то вдобавок коленом в нос. Завалился на землю.

Парень оглядел поверженных противников, стянул наушники — магиня явно услышала боевые напевы и ритм барабанов. "Рыцарь", подхватив спасенную под руку, заговорил приятным баритоном:

— Добрый вечер, миледи. А я иду, главное, с тренировки, смотрю — Хича освободился с зоны. Ой, думаю, беда с девушкой будет. Простите, но не мог не помочь. Как вас зовут? — спросил он так, словно ничего и не было, только чуть сбивалось дыхание, да сердце стучало по ребрам, выдавая волнение.

— Милослава, — улыбнулась пораженная девушка.

— Какое доброе имя. А меня Арий. Отец фанат "Арии". Металлюга еще тот... Скажите, Милослава, а можно пригласить вас в кафе погреться? Вас не ранили? Я обязан вас осмотреть. — Парень потянул девушку прочь от места столкновения, не дожидаясь ответа. Разгоряченное адреналином тело действовало быстрее.

— Идем, Арий. Можно "ты", — продолжила Милослава, последним взглядом окинув поверженный квартет.

Люция застыла, всматриваясь в парочку. Темная сфера над головой магини растаяла, как

будто и не было. Невероятно! Такого быть не могло. По крайней мере, так сразу.

Саркон стянул огненные перчатки и опустил руку на плечо напарнице. Грустно произнес тоном поверженного:

— Ну, вот. Еще один Свободный. Один ноль в пользу людей.

Ангел тяжело вздохнула. Самыми непонятными для нее существами в мире были именно Свободные люди. Куда там серафимам!

Ночная смена на этом не закончилась. Хмурая осенняя ночная погода убивала Люцию. Да, она не может умереть как простой человек, замерзнув, но неприятные ощущения вгоняют в тоску. Крыльям нужны тепло и сухость.

Проклятая погода!

Иномирцы остановились у кафе, прижавшись друг к другу, как молодожены. Со стороны — так просто лобзающая друг друга пара. Разве что третий час ночи сбивал с толку, что им здесь нужно и мерзкая погода мало подходила для прогулок. Вдобавок, пара то исчезала с посторонних глаз, то появлялась, экономя силы.

До утра еще много работы. Надо беречь припасы. Начальство спросит за все, если уйдут с дежурства раньше времени. Они на испытательном сроке, как экспериментальный дуэт. С Посланников тени особый спрос.

— Сыр, — протянула ангел.

— Что? — глухо пробормотал Саркон.

— А почему у тебя нет хвостика?

— Эй, это ты так греешься? — Хмыкнул демон. — Или это обыск?

Голос демона чуть понизился. Появились даже оттенки некоего смущения, чего раньше Люция за ним не замечала.

— Ну... мне же интересно, — хихикнула довольная Люция. Похоже, она нащупала его слабое место.

— Все ангелы такие любопытные?

— Все демоны задают встречные вопросы? Это прерогатива земных женщин. Запомни.

— Хорошо, хорошо. Сдаюсь, — пошел на попятную демон, привыкший, что спорить с ангелом себе дороже.

— Тогда признавайся. — Развеселилась Люция, потирая руки. — Сейчас я из тебя все вытяну.

— Наш род не из хвостатых, Лю, — ответил Саркон и на этом допрос прервался.

Демон понял, что вроде надо отстраниться как гордому потомку своего бесхвостого рода, но проклятые руки не разжимаются. Объятья ангела как заколдованные. Как ей удастся так поступать с ним?

— Что? И это все? — Люция попыталась ущипнуть, но роговую броню особо не подденешь, разве что освященным мечом. Те режут ее, как свежий хлеб.

— А что еще? — Саркон приподнял бровь. Без растительности на лице та выглядела немного странно. Но люди в последнее десятилетие так изгаляются над своими бровями, что никто этого даже не заметит.

— Я видела хвостатых чертей, бесов. Больше никого. — Честно призналась Люция.

— Хвосты для мелкой нечисти.

— А ты, значит, нечисть крупная?

— У меня три рога!

Люция отстранилась, скрывая улыбку.

— Да какие рога... Так, рожки...

— На большие шляпа не налезет, — сделал вид, что оскорбился, Саркон. — Так бы с крупнорогими по городу шастала? Мороки бы больше было. Ты же понимаешь, что демон в шляпе выглядит как гриб?

— Значит, с тобой мне еще повезло? — Сделала вывод ангел. — Хотя бы с тем, что не показываешь мне свой гриб.

Демон грубо отстранился. Разговор прервал новый "приказ". Сразу обоим. Первой подхватила ангел, получив координаты и уточнение задачи.

— Ладно, оставим наши прения, — предложила Люция. — Начальство шлет новый наказ... Не понимаю только, почему мы должны этим заниматься?

— Искушение... — Протянул демон. — Да что там у них — совсем рабочих рук не осталось?

— Наверное, мы ближе всех. Идем. Там видно будет.

Замерцавшее синее марево телепорта. Шаг. Пустота.

Вышли на другом конце города в спальном районе, для порядка почти скрыв тела. Если бы кто взглянул со стороны, увидел бы лишь дымку. И, по обыкновению, посчитал, что показалось. В дождь в ночи чего только не увидишь. Редкие прохожие бредут усталые, а то и вовсе пьяные. Этим чего только не мерещиться.

Несколько панельных домов, соединенных буквой "П". Серый темный дворик утонул в лужах. Покореженная детская площадка, куски асфальта вместо дорожки, протоптанные тропки среди высокой жухлой травы. Подъезд без фонаря. Темень. Домофон вырван с корнями. Дверь отворилась от одного рывка. Пахло сыростью и мочой. Люция поморщилась, пройдя под рукой любезно придерживавшего дверь демона.

— Господи, в какие места мне приходится лазить, — вздохнула ангел.

— Можешь оставить клиента мне, — хмыкнул Саркон, поднимаясь по ступенькам следом. — И не участвовать.

Ангел резко откинула капюшон, обязательно стараясь, чтобы капли попали на лицо Сару. Демон оскалился.

— Не шали, накажу, — пообещал Саркон.

— Бе-бе-бе, — Люция вполне по-человечески показала язык.

Лифт не работал. Пошли пешком. Переступив спящего на третьем этаже человека (год назад выглядел вполне по-человечески), добрались до искомой лестничной площадки на пятом этаже. Источник задания находился за дверью.

Саркон расплылся в усмешке:

— Чувствую предтечу грехов. Спорим, что ты останешься без обеда? Сфера уныния давит на виски. И питают ее как раз твои подзащитные. Говорил же, оставь клиента мне. Следующий был бы твой. Договорились?

Люция поправила клинки и, не удостоив напарника ответом, первой шагнула сквозь дверь.

Двухкомнатная квартира. Комнаты наполнены скорбью и печалью. В семье из троих человек около года как не стало матери. Отец и дочь словно не замечают времени. Шлейф тоски не угасает. Это почувствовал и шагнувший следом демон. Усмехнулся. Еще бы — его рабочая обстановка.

Запах уныния привлекал мелких бесов. Ангел недовольно поморщилась, шикнув на наиболее ретивых. Бесы умчались под потолок и спрятались за Саркона, корча рожи и

показывая языки ангелу. Обращать на них внимания смысла нет.

Демон схватил одного беса, задевшего его за ухо, и размазал по стене. Мелкое крылатое создание пискнуло и свалилось на пол кучкой окровавленного мяса, невидимой человеческому глазу. Беса можно почувствовать, бесконечно убираясь в комнате, но вновь и вновь ощущая какую-то грязь, пыль. Убрать это можно только положительными эмоциями.

— Теряешь прислугу, — хмыкнула ангел.

— Даю тебе фору, пернатая, — не сдержался демон.

Небесная дева первой вошла в комнату. Двое людей лежали в одной большой кровати. Отец лет сорока и дочь шестнадцати-семнадцати лет.

За окном стояла беспросветная темнота. Ни звезд, ни полумесяца. Нудный дождь продолжал стучать по крыше. Барабанной дробью отвечал старый подоконник. Свирепый ветер свистел сквозь приоткрытое пластиковое окно. Прохладно. Отец крепко спал. Дочери, чтобы закрыть окно, встать не хотелось вовсе.

Люция прошла до кровати, села на край, концентрируясь на девочке. Она очень грустила по матери, но еще больше любила отца. Эта любовь заставляла ее каждую ночь под разными предлогами оставаться в его кровати. Она сама не знала, чего хочет. Странные ощущения тянули к разбитому горем отцу, желая помочь. Но благими намерениями вымощена дорога в ад.

Демон подошел вплотную и присел рядом, ожидая реакции напарницы.

— Нет, — прошептала дева неба. — Не делай этого. Он спит, но его не потянет к собственной дочери. Несмотря на все отчаяние, на дикое желание, что иногда накатывает и погружает с головой.

— Но он догадывается, для чего она каждую ночь принимает душ и якобы случайно забывает надеть нижнее белье или одевает совсем не то, что стоит носить маленьким девочкам. Ты бы видела, что у этой "лолиты" в голове.

— Вероника. Ее зовут Вероника.

— Не меняет сути, — продолжил демон. — Она прислушивается к его дыханию и сейчас под предлогом холода закинет на него ногу, прижавшись плотно-плотно. А ты знаешь, в чем она сегодня одета?

— Он спит и ничего не заметит, убери бесов. Не зли меня, Сар. Ты же знаешь, как я отношусь к кровосмешению. Убери их!

— В этой квартире слишком долго не звучал смех. Уберу одних, придут другие. Сдавайся. Она уже приступила к своему дерзкому плану. Сердце стало стучать быстрее. Еле дышит. Слышишь?

Люция и сама уже видела, как Ника залазит под его одеяло.

Ангел скинула плащ и легла рядом с Вероникой, шепча на ухо:

— Одумайся, Ника... Ничка... Ведь так в детстве называла тебя мама... Ты любишь папу... Конечно же, ты его любишь... Но это уже не любовь.... Это в тебе просыпается женщина. Но ты женщина не для этого мужчины! Так нельзя! Он твой отец!

Саркон обошел кровать, разговаривая на волне напарницы. Дальше если бы он закричал, никто из людей в комнате его бы не услышал.

— Да брось, Лю. Дочери часто влюбляются в отцов. Это естественно... Смотри, как она осторожно трется о его ногу бритым лобком. Что ты там ей бормочешь? Думаешь, сквозь туман этой похоти что-то слышно? Человечество родилось в результате инцеста первых слепленных из глины. Это сильнее людей.

— Я не признаю Библии! — вспыхнула Люция.

— Ангел не признает Библии?! — не поверил своим ушам демон. — Да что ты такое говоришь? Тебе же начальство выщиплет все перышки.

— Отпили рога! Кровосмешения не будет!

— Молодой организм жаждет, — запротестовал демон. — Понимание придет позже. Да и какое кровосмешение? Так, развлечение одно. Ей же не рожать!

— Начинается с развлечения, заканчивается падением душ в бездну.

Саркон сложил руки на груди, посмотрел с вызовом.

— И что? Тебя это напрягает? Ее жалкая душонка?

— Отойди, Саркон! — предостерегла обеспокоенный ангел.

— Не могу. У тебя свое задание, у меня свое. Каждый должен выполнять свою работу как положено.

— Нас хотят сравить! Разве ты не видишь?

— Как обычно, проверки. Так что давай просто делать работу. Каждый свою, — ответил демон.

Ника проникла под одеяло и закинула ногу на отца. Медленно, очень медленно прижалась. Отец во сне что-то буркнул, приподнял руку, обнял, прижимая к себе. Привычно придвинул любимую дочь под бок.

Сердце у дочери стучало, как у загнанного зайца, щеки пылали. Ошалев от адреналина и желаний, Ника прикусила губу и, совсем осмелев, принялась тереться о ногу. По телу прошла волна жара, соски напряглись, перед глазами поплыло.

— НЕТ!!! — закричала Люция. — НЕ НАДО, НИКА! САРКОН, Я ОБРАЩУ КЛИНКИ ПРОТИВ ТЕБЯ!

Саркон хохотнул, приглаживая светлые локоны девочки, что-то забормотал на ухо.

Ангел отпрыгнула от кровати и выхватила клинки. Глаза ангела загорелись.

— УЙДИ, САР! Последний раз предупреждаю!!!

Демон прыгнул. Сильные руки перехватили запястья ангела, клинки упали на ковер, пропоров линолеум, воткнувшись лезвием в цементный пол.

— Успокойся! Это ее выбор! Не вмешивай в работу чувства.

— Она — ребенок! — запротестовала ангел, вырывая руки и врезая демон ногой в ботинке под дых.

Саркон лишь отскочил.

— Ничего себе ребенок, почти третий размер. Если бы у тебя такие были в таком возрасте, в ведьмы не потянуло бы! От женихов бегала бы по лесу.

— Ты забываешься, демоническое отродие! — приструнила ангел.

Демон отпустил руки, повернулся боком, глядя на кровать.

— А давай ничего не будем делать. Пусть все идет, как идет. А мы посмотрим со стороны.

Ангел недоверчиво повернулась боком. Огонь в глазах подугас.

— Посмотри, как ее попка трется о простынь. — Все же продолжал гнуть свою линию демон. — Да эта девочка пылает! Как думаешь, людям пора снижать планку официального совершеннолетия?

Люция вскричала и прыгнула, откинув демона ударом в бок. Саркон врезался плечом в стену. Но дальше ангел атаковать не стала, лишь подняла клинки и, пересилив себя, повесила на пояс.

— Еще один комментарий и меч будет между твоих ребер!

— Только после того, как я сломаю тебе шею. — Пообещал демон, потирая бедро. Перчатки он все же доставать не стал. И Люция это отметила. Долго выдохнула. Затем ангел сделала шаг от кровати и встала рядом с демоном.

— Черт с тобой, я не буду вмешиваться.

Сар потер плечо, кивнул.

— Разумно... Правда, не по ангельски. Пернатые все глупые как курицы.

— Просто заткнись!

Ника не выдержала накала эмоций, сжалась и вскрикнула, расплываясь по кровати. Довольная улыбка была ножом в сердце небесной девы... Но еще больше удивился Саркон. Отец Ники откинул одеяло, сел на край кровати.

Зрачки Ники расширились — поймал! Попалась!

Оба посланника ощутили, как сердце девчонки затрепетало быстро-быстро, лицо запылало краской пуще прежнего. Она уткнулась в подушку, стора от стыда.

Медленно, подбирая слова, отец негромко заговорил:

— Ника, сейчас ты идешь в душ. И после обязательно одеваешься в ночнушку. С завтрашнего дня ты спишь здесь... а я в зале.

Отец вздохнул и поднялся, Ника тут же бросилась на шею, ловко целую в щеку. Захватила в объятья.

— Я люблю тебя! — сорвалась она на крик.

Отец вздохнул, осторожно отстраняя руки дочери.

— Я тоже тебя люблю, но то, что ты делаешь, это... неправильно. Неправильно! У тебя будет парень, муж, дети. Не делай то, о чем можешь пожалеть. Давай не будем...

— Калечить свои души в угоду телам, — договорила недосказанные слова ангел.

— Тебе нужна женщина! — в слезах вскричала Ника, выражая протест.

— Да... Но ты-то здесь причем?! — отец привстал, поворачиваясь к ней. Старался разглядеть в темноте глаза.

Свет включить рука не поднималась. Дочь наверняка голая. А тьма, она словно скрывала пеленой, отгораживала от чего-то неправильного. Воображение даже рисовало ангела и демона с обеих сторон. Оба шептали что-то... каждый свое. Добро и зло. И каждый со своей стороны плеча.

— Я... женщина... я... — задыхаясь от истерики, произнесла дочь.

— Что?! — повысил голос отец. Дочь осеклась. — Ну что ты несешь?! Не пори ерунды! Да, ты почти женщина, но... не для меня!

Ника упала на кровать и зарыдала в подушку. Как назло, в окно заглянул месяц и в бледном свете обозначил ее белое нагое тело.

Упругое, нежное, родное... Отец взвыл и отвернулся к окну. Вонзил ноготь в кожу, ощущая боль, чтобы перенаправить мысли.

— Глупая... Какая же ты глупая, — прошептал он тихо у окна, отвернувшись от дочери.

— Папа... — протянула она и подняла лицо от подушки. — Кто, если не я.

— Кто угодно, но не ты. — Твердо ответил отец.

За спиной он слышал легкие шаги, и теплые руки обхватили за живот, ее груди коснулись спины. Упругие, горячие.

Или это все тело вдруг стало гореть? Отец обхватил руками лицо, выдохнул.

Рука дочери опустилась ниже пояса.

— НЕТ, НИКА! — вскричал он и, резко повернувшись, оттолкнул ее.

Дочь отступила на пару шагов и рухнула на кровать.

— Ты... ты в порядке? — поспешно забормотал отец.

— Ты же... ты... ты принял объятие... и не как дочери.

— Замолчи! Что с тобой? Ника, прекрати! Это не моя дочь! Что в тебя вселилось?

Люция повернулась к демону, грозно сверкнув очами, руки легли на клинки, сжали эфесы.

— Ах ты, подлый лицемер! Ты говорил, что не будешь вмешиваться. В нее вселился суккуб?

— Здесь только бесы, — хмуро ответил демон. — Но и они иногда такие затейники. Сам порой удивляюсь.

Дождь за окном усилился, форточку закрыло ветром. Снова полумесяц скрыли тучи, погружая комнату в полную темноту. Свет окон соседних домов давно потух. В комнате не видно ничего.

— Ника, сейчас я иду на кухню пить чай, а ты в душ, потом наоборот и ложимся спать. Каждый в разных комнатах. А утром все взвесим и нормально поговорим. Ты меня поняла?

— Я все равно люблю тебя... — протянула она таким голосом, словно давно все решила.

— Я никогда к тебе не притронусь! — вспыхнул отец. — Выбрось эту нелепость из головы!

— Я... Нет, ты не можешь так говорить... я...

— Ты уезжаешь к бабушке в деревню! — поспешно добавил он.

— Нет, я останусь с тобой!

— Тогда я уезжаю в командировку! Надолго... Доучишься этот год в деревне. А к лету... К лету мы что-нибудь придумаем. Возможно, переедем. В другую квартиру. В этой... тоскливо нам в этой, вот и тянет на всякие... воспоминания.

— Я и в трехкомнатной квартире буду хотеть тебя, — спокойно сказала Ника голосом победительницы, уверенной в своих силах.

— Перехочешь! — закричал отец. — Сумасшедшая! Найдешь парня в деревне — успокоишься!

— Никаких парней, только ты, — запротестовала Вероника.

— Ника, хватит! Я найду новую жену!

— Ты не посмеешь! Мама...

Отец повернулся.

— Ага, о матери вспомнила?!

Ангел улучшила момент и озарила комнату ярким светом, на миг ослепляя всех бесов. Саркон поморщился.

— Потратила весь заряд? Дрожать как курица будешь. Я тебя домой не понесу.

По щекам дочери побежали крупные слезы.

— Папа... — совсем другим голосом сказала Ника и, поднявшись с кровати, вновь прижалась к отцу. Только без страсти. Как к родителю. К любимому, родному, человеку. — Папа, — уже более тихо продолжила она.

Отец, чуть подождав, обнял. И крепко прижал к себе. Словно какая-то пелена спала с глаз и пала стена отчужденности. Для обоих. Отец решительно потянулся к выключателю, и свет резанул по глазам. Теперь он мог смотреть в глаза дочери, полные слез раскаяния. И на тело ее мог смотреть без боязни всколыхнуть что-то со дна души.

— Ну ладно, забыли, — продолжил отец. — Одевайся, поедем в деревню вместе. Давно мы с тобой последний раз на берегу речки не сидели, да? Рассвет встретим у костра.

— Как в детстве, — улыбнулась Ника. Его родная Ничка.

Люция треснула в бок Саркона, беззаботно улыбаясь, как ребенок. Ноги ослабли, упала. Застыла на коленях, подняв в вызовом голову.

— И только попробуй, рогатый, погоду испортить!

— Тоже мне, спасительница, — пробурчал демон, крепко схватив выпавшего из девушки незрелого суккуба за шею.

Скользкое, краснокожее существо с небольшими крыльями и маленьким хвостиком, совсем как у черта, извивалось, шипело. Приблизив его к себе, демон почти прорычал:

— Как ты закрылась от моего взора? Отвечай!

Суккуб усмехнулась разбитыми в кровь губами и посыпалась на пол черной пылью.

— Что? Что за черт?! — Саркон с нескрываемым удивлением посмотрел на пыль в руке. Никакая суккуб прежде не распадалась пылью на его глазах. Демон перевел взгляд на ангела.

— А так бывает? — ангел была удивлена не меньше. Дрожь в теле ослабла. Люция поднялась.

— Прежде не было... — протянул демон. — Суккуб еще совсем неразвита. Ей и человека-то едва под силу подчинить. Так как от меня укрылась?

— Укрыли? — натолкнула на мысль Люция.

Двое переглянулись. Возникла небольшая пауза. Ненадолго. Почти сразу вспыхнули в головах новые задания, оставляя вопросы на потом.

— Соло, — прошептали оба. В эту ночь не хотелось расставаться, но приказ есть приказ. Каждому предстояло индивидуальное поручение. И приятную беседу пришлось отложить.

Демон первым создал портал и шагнул подальше от странной квартиры. Ощущение проигрыша не оставляло его не на миг. Но не поражения от этого глупого спора с ангелом, а от чего-то посерьезней. Собственный источник силы давал неверную информацию.

Люция задержалась, получая силу от отца девчонки и самой Ники. Себе оставила совсем немного, в основном пуская полученное на окончательную очистку квартиры от бесов.

Здесь не бывать кровосмешению.

Саркон вышел в той части света, где вечер только начинал укутывать в темноту большой город. Метро забирало и выплевывало людские реки. Народ спешил домой, потоками обходя демона, как фонарный столб. Вроде место посреди толпы было пустым, но никто не спешил его занять и в последний момент отскакивал в сторону хотел он того или нет.

Демон застыл чуть в стороне от шоссе, погруженный в мысли. Первый раз на его памяти — а это без малого шестьсот лет, — нечисть закрылась от него. Причем, нечисть гораздо слабее его уровня. И это не могло не настораживать. Проверка от своего лагеря? Слишком просто для проверки. Если Семья ставила под сомнения кого-то из своего выводка, она просто лишала его жизни. Без всяких проверок.

Что вообще от него хотели на том задании? Почему послали на задание вместе с напарницей? Бесы и сами могли справиться, медленно, но неумолимо, день за днем подтачивая стойкого человека. Упорные, те сломают кого угодно, если он не меняет свой мысленный фон и не создает положительную динамику. Если в подмогу была суккуб, то задание и вовсе становилось странным. По итогу — как бы срыв операции с его стороны и никакой подпитки. И тут же без перерыва — новое задание. Что за черт? Еще и на другой край этого физического мира. Демонов, что ли, мало в Энрофе? Совсем обленились конкурирующие семьи?

Клиент вышел из метро. Худощавый, с бритой головой. Походка качающаяся. Устал после тяжелой работы. Кожаная куртка, джинсы с цепями, высокие ботинки. Под одеждой не видно больших татуировок, покрывающих почти треть тела. Центральная татуировка на спине с большой свастикой, черной. Черное солнце. обратный круг. Символ тьмы. За поясом пистолет системы "Беретта". Куплен легально. Для самообороны. В этой западной стране можно все. И как же легко оружие для защиты становится оружием нападения.

Саркон пошел следом за человеком, разглядывая бритый затылок клиента. В плечо врезался спешащий подросток, остановленный, словно танком. Паренек покрутил головой, не понимая, во что врезался, поднялся. Молодость всегда спешит и сшибается с каждой стеной. Потому к старости сил и не хватает. Таковы люди.

Клиент тем временем свернул с оживленной улицы в переулочек. Там синим неоновым светом горела вывеска бара. Питейное заведение, где на входе не стоят детекторы металла. Кивнув сидящему в углу охраннику, мужик сел за стойку бара и заказал пива. Во всем зале было всего лишь три человека. Они негромко болтали о своем, не замечая вошедшего.

Саркона ждала работа. Демон присел рядом с клиентом, взглядываясь в его лицо: серые глаза, бледная физиономия, сухая кожа, местами в оспинах, как земля после бомбежки. Как на вид, так измучен жизнью и трудностями. И после выпитого залпом бокала пива клиент заказывает скотч. Но куртку не снимает. В безрукавке увидят татуировки на плечах, и пистолет за поясом будет оттопыриваться. Как бы ни пьянел, все равно держит себя в руках. Еще стаканчик и на улицу, проветриваться. Знает меру. Стойкий человек. Похвально... Но только не в смену Саркона.

Задание, есть задание.

Демон начал действовать, влияя на вероятностные события. Стоило рассмотреть нити возможного будущего и далеко за неприятностями ходить не пришлось. Они бродили неподалеку, стоило только притянуть парочку именно к своему клиенту... Спустя пару минут в бар ввалилась группа пьяных людей в цветастых майках национальной футбольной команды. Охранник приподнялся, недовольно бурча, но тут же сел на место. Один ничего не сделает, да и владелец в связи с малыми доходами приказал пускать всех. Посетители есть посетители, хоть и пришли пьяными. Больше закажут. И буянить пока не начали. Вроде все в порядке.

Демон оглядел футбольных фанатов, повел призывно пальцами и трое из пяти сразу же подошли к стойке, сев рядом с клиентом. Двое принялись заказывать выпивку, а третий недружелюбно оглядел бритого.

— Ты за какую команду болеешь?

— Мне начхать на футбол, — легко и просто ответил скин, не кривя душой.

— Тогда какого черта тебе надо в моем баре? — добавил вызывающе футбольный болельщик.

— Отвали, ублюдок, — глухо обронил худощавый клиент, почти не обращая внимания на собеседника.

В затылок тут же врезался бокал с пивом. Осколки посыпались на стойку и пол, пенный напиток окатил голову и полился за шиворот. Бритый клиент, покачавшись на стуле, свалился на пол. Мир поменял месторасположение.

Откуда-то сверху послышался смех. Трое довольных, красных рож нависли над ним с улюлюканьем и угрозами. Клиент Саркона, морщась, коснулся затылка. Пальцы предстали перед глазами в обрамлении красного, начало подташнивать. То ли перебрал алкоголя, то ли получил легкое сотрясение. Может, и все сразу.

— Вставай, нацик! — приказал один их фанатов. — Разговор есть. Я расскажу тебе о нашем клубе и о том, что мы делаем с уродами вроде тебя. Мы не любим двух типов людей. Тех, кто почитает фюрера и нет, кто не любит нашу сборную по футболу...так что тебе не повезло вдвойне.

Посланник тени склонился над самым ухом клиента, горячо зашептал:

— Вся твоя жизнь — череда ошибок. В школе ты был заводилой, стремясь выделиться, но смекалки не хватало, и ты вылетел со школы, не закончив ее. В юности подался в скинхеды, разглядев в них силу. Но за десяток лет служения этой идеологии нашел лишь слабость каждого из них вне толпы. Уйдя от них, ты все равно оставался одним из... Для окружающих, для встречных, даже для этих дебилов, которые втаптывают тебя в грязь в день, когда ты поссорился с любимой младшей сестрой. Единственной, кто относился к тебе как к человеку. Тебе не понравился ее парень. Он не такой, как ты, и детей заводить от слабаков ты бы ей не советовал. Но это был ее выбор и она выставила тебя вон. Не твой день...

— Не мой день, — послушно повторил скинхед.

— Но сегодня ночью больше никто не сможет над тобой посмеяться. — Продолжил Саркон. — Сегодня ты силен. Ведь вчера ты получил оружие. Доставай и покажи им всем, чего ты стоишь. Покажи, кто ты есть на самом деле.

Бывший скинхэд под смешки фанатов достал из-за пояса пистолет и в появившейся тишине щелкнул предохранителем.

— Нажми на курок! — скомандовал демон.

Во лбу парня, говорившего с бывшим скинхедом, как с грязью, появилась дырка. Всего

лишь небольшая дырочка, а затылок позади снесло, и часть мозга оказалась на потолке.

Клиент повел оружие в сторону, и тот, кто бил бокалом, получил вторую пулю в висок. Рука не дернулась даже тогда, когда третий, собравшись убежать, повернулся спиной. Просто две пули прошили его легкие.

Нечего убегать от неприятностей, которые сам создал.

Скинхед приподнялся. И уже не смог остановиться. Гнев, ярость и жажда крови оказались выше пошатнувшегося сознания... За простреленное горло схватился бармен. Несколько пуль в большой живот получил охранник. Обойма кончилась. Рука нырнула за следующей. На пол со стуком свалилась пустая обойма, щелкнула новая, ловко влетая в пистолет. Все выходило легко и просто, слишком просто, как будто руками руководил демон.

Боль в затылке ушла. На лицо натянулась улыбка. Хищная. Под стать той, что была у демона рядом. Глаза убийцы загорелись. Мир вокруг словно замедлился, пропали все звуки, только щелчок курка, выстрелы и вскрики умирающих — оставшихся фанатов, посетителей, парня с девушкой, что показались в дверях и тут же упали. Сначала молодой парень, интуитивно прикрывший грудью возлюбленную, потом девушка. Пуля вошла ей в глазницу. Несостоявшийся муж не смог прикрыть собой ее всю. Скинхед улыбнулся. Он неплохо стрелял для новичка благодаря меткому зрению и урокам стендовой стрельбы еще в школе.

Стрелок застыл у стойки с натянутой улыбкой. Вытянутая рука устала под весом пистолета. По шее и спине текли пиво и кровь. Саднил разбитый затылок, крики стихли. Лишь недобитый посетитель стонал под столиком в углу, но стрелок его не слышал. Мир вокруг вдруг словно умер. Ведь в вошедшем скин запоздало узнал парня любимой сестры. А за его спиной... сестра!

Скинхед выронил пистолет с опустевшей обоймой, больше не нажимая рефлекторно курок. Силы покинули его. Свалился на колени, обхватив голову руками. И завыл. Отчаянно и неумело. Сердце сдавило холодной лапой, слезы задушили. Подхватил пистолет и приставил к виску. Но не осталось для себя последней пули. Все потратил на врагов. На внешний мир... Там, последняя пуля, пущенная его рукой, забрала жизнь у любимой сестры.

Саркон вдохнул полной грудью, ощущая бешеную подпитку от горя обреченного. Этот больше не жилец. Три дня он будет умирать, коря себя за потерю контроля над ситуацией, и даже отгрызет себе указательный палец за решеткой, а на третий день найдет способ повеситься в камере, не дожидаясь суда. Убийства и самоубийство плотным грузом потащат его душу на дно миров. На искупление, переплавку, долгие, почти вечные муки и страдания.

Страдания из-за одного лишь движения пальца.

Демон расправил могучие плечи и, переступая остывающие тела, вышел из бара.

Новое задание не заставило себя долго ждать.

* * *

Это был странный сон. Зыбкая грань между пробуждением и царством Морфея ощущалась и сейчас. Царство снов сулило каждый раз что-то новое. Здесь возможно все.

Майк никак не мог понять, проснулся он или еще спит? Огромные крылья за спиной были настоящими. Кожаными и живыми. Он даже мог их чувствовать, двигать ими по своему усмотрению, словно они всегда были с ним, с самого рождения. Наверное, это дар незримых духов, богов, а то и самого Создателя. Откуда им еще взяться?

Нет, это были не крылья ангела. Но и на крылья демона они тоже не походили. Если люди вообще когда-то могли наблюдать тех и других в реальности, а не в тех же снах, видениях, откровениях и прозрениях. Почему человек не летает? Да потому что не хочет, а он, Майк, хочет. Хочет и умеет! И поэтому у него есть крылья. Сейчас он полетит. Воспарит в облаках совсем как птица. Небо поддастся человеку! Падет под его натиском!

Все просто. Мир прост. Он только кажется сложным и непознаваемым. На самом деле все всегда просто. Крылья были живые. Просто часть тела. Не перепончатые, как у летучей мыши. И совсем не как у доисторического птеродактиля. Но и не пернатые, птички. Просто такие родные, живые крылья, как руки или ноги. Свое, часть тела. Вряд ли Майк мог описать их человеческим языком. Наверное, юноша получил то, о чем мечтал каждый человек с момента появления на свет.

Почему люди не летают? Этот вопрос уже не для Майка. Сейчас он покажет, что человек может и должен летать. Должен!

Рожденный ползать, да обрящет крылья и воспарит!

Из открытой балконной двери ударила струя прохладного воздуха. Утренняя свежесть приятно взбудрила. Майк на всю ширь распахнул окна, разглядывая с высоты семнадцатого этажа ночной мегаполис, блеск неоновых огней.

Солнце еще не показалось из-за крыш домов. Только пятый час утра. Совсем скоро люди проснутся и пойдут на работу. А другие люди придут с работы и лягут спать. Майк давно не мог отнести себя ни к первому, ни ко второму типу. Работать он не любил, да и необходимости не было. Отец обеспечивал всем необходимым, давал каждую неделю денег ровно столько, чтобы хватало на хорошую жизнь с избытком, и часть еще можно было откладывать. Поэтому бывший студент не особо беспокоился о работе. Диплом в кармане, колледж за плечами, а жизнь что-нибудь да подкинет. Не забудет про затерянного в людском мире бедолагу.

О, одиночество, наверное, именно ты подтолкнуло первый раз сказать "да" бледному очкарику, который продавал траву на "пяточке".

"Божественная" трава отодвигала одиночество на второй план. Она подружилась с Майком и стала его проклятьем.

Обман... но понимание этого пришло гораздо позже.

Чем больше одинокий юноша покупал травы, тем крепче одиночество брало в ежовые рукавицы. Отступало на время, а потом всегда возвращалось и с новой силой вышибало почву из-под ног, било наповал. Било сильно и точно, без колебаний, как опытный боксер, раз — и ты уже на полу, даже не успев понять, как же так получилось.

Как-то раз барыга-очкарик на "пяточке", заметив страдания Майка, предложил вместо обычной травы "чудо-порошок". По доброте своей показал, как правильно его варить, как набирать в шприц.

Помог даже первый раз уколиться. Этот миг Майк не забудет никогда. Казалось, одиночество было повержено раз и навсегда. Оно будто ушло в сторону, открыв потерявшемуся в жизни новую дорогу. Но чем больше парень кололся, тем меньше времени оставалось на путешествия по стране грез и тем ближе подбиралось всесильное, крепнущее с каждым днем одиночество. Не позволяя ему приблизиться, Майк увеличивал дозы и победно смеялся над поверженной пустотой.

Недолго... Пришлось пробовать новые, более сильные порошки. Время проходило и неизбежное настигало вновь.

Однако сегодня Майк победит одиночество окончательно. Он купил у очкарика сразу несколько доз и попрощался с единственным "другом". Тот понял все с одного обреченного взгляда, хмуро пожелал удачи в новом мире и молча отвернулся. На этом их дружба закончилась.

Майк устроил себе передозировку. И вот теперь у него есть крылья, а все человечество во всем мире пусть так и остается прозябать в двуногом существовании. Сегодня он всем покажет кто в этом мире жил, а кто просто был.

Майк перекинул ноги через парапет, расправил крылья и... полетел.

Полетел навстречу небу.

Крылья, машите! Машите! Ну же!

Подлая земля, отказываясь понимать его чувства, оказалась сильнее, властно притягивая к себе.

Полет длился долгие четыре секунды.

После "парения" тощее тело раздробило об глупый, жесткий асфальт, который никак не хотел понимать, что у Майка есть крылья и он свободен. Он несоизмеримо свободнее любого человека на этой одинокой планете.

Подлый, лживый мир...

Толпа, жаждущая зрелищ, с любопытством взирала на разбитое вдребезги тело, лужу крови, раздробленный мозг и застывшие в последнем прозрении глаза. Застывшее выражение лица Майка навсегда запечатало понимание нелепости совершенного. Понимания, что он все-таки сделал что-то не так. Но он так и не понял — что.

Саркон вздохнул, разглядывая тело. Даже работать не пришлось. Зачем вызвали? Для подстраховки? Но разве здесь могло быть иначе? Нарк был обречен на смерть. Они всегда обречены. Все. Соскочить может тело, но душа уже деформирована и ей просто невыносимо жить.

Прибывший первым патруль в момент растолкал толпу, обнес место смерти желтой лентой и лишь короткий диалог полицейских обозначил происходящее:

— Ну что, Марк, еще один нарк копыта отбросил?

— Да, Джон, еще одна жертва очкарика.

— Пора бы его уже приструнить.

— Да, наверное... Давай после завтрашнего уикенда.

Полицейский довольно почесал пузо, поинтересовался:

— А твоя жена снова сделает эти замечательные гамбургеры с тунцом?

— Конечно, Джон.

— Отлично. А потом уже займемся работой. Она ведь никуда не денется, верно?

— Правильно говоришь, Джон. Все правильно.

Демон вздохнул и создал портал, спеша избавиться от своего присутствия, а Нью-Йорк продолжал жить обычной, кипучей жизнью мегаполиса.

Новое задание надавило на виски в то же мгновение.

— Еще одна миссия на сегодня и спать, — сквозь зубы прошипел Саркон и получил полную информацию по следующему заданию.

"Мщение обреченного", как классифицировал он такие для себя в последнее время.

Доктор поднял глаза, и меня пробрала дрожь. Я не частый пациент больниц, травматических пунктов и прочих поликлиник. Но прочитал все в пустых зрачках профессионала от медицины. По спине побежал мерзкий пот, а грудь сдавило так, что едва не потекли слезы. Гадко и мерзко.

Не требовалось слов, чтобы понять, что результат повторился. И весь окружающий мир стал бессмысленным, серым и пустым.

— К сожалению, медицина бессильна, Алексей Иванович. Рак крови... Да еще на такой стадии. Странно, почему это так явно не проявляется на вашем внешнем виде.

В висках стучало, стало сложно дышать. Захотелось упасть на пахнувший хлоркой кафель, свернуться в клубок и лежать, не двигаясь. Это снаружи полон жизни и цветешь как майский ландыш, а внутри уже подтачивает червяк, прокладывая каналы неотвратимой смерти. Чертовы клетки, возомнившие себя организмами! Внутренние повстанцы! Где все эти нанотехнологии, которые спасут всех и вся? Куда смотрит медицина?

— Сколько мне осталось? — прервал я, не слушая, болтовню доктора. В ушах стоял гул и слышался только грохот сердца, которое гоняло по венам вместе с жизнью отраву. Никаких вирусов, никаких болезней или наркотиков, просто генетический сбой тела. Как нелепая шутка, обернувшаяся трагической случайностью.

— Может неделя, — сухо ответил хирург.

Почему именно я? Господи, за что? Я не убийца, не вор, с чужими женами если и прелюбодействовал, то исключительно по обоюдной любви. Провидение, за что караешь? За неконтролируемые, животные вспышки страсти? Но об этих встречах вряд ли знает кто-то помимо Господа. Кому навредит?

Заверещал сотовый доктора, он извинился и вышел в коридор, оставляя молодого, преуспевающего предпринимателя, который едва встал на ноги и начал жить, один на один с тяжелым известием.

Профессионал, черт бы его побрал! Как патологоанатом, который идет обедать в строго отведенное время, несмотря на то, что только-только мог разбирать труп по запчастям. Эксперт!

И вот я один на один со смертью. Это как бревном по голове и в долгий полет. Из тела выбрасывает, и никак не можешь понять — здесь ты или это все сплошной кошмарный сон? Где это чертово утро? Жена, разбуди!

— Нет, нет, нет! Ну, не может быть! Ну, что за черт? Я еще не жил! — зашлепали бессмысленно губы.

Бессильно громыхнул по столу, крича и не сдерживая себя в крепких словах. Теперь стесняться некого, барьеры все рухнули. Тем, кому терять больше нечего, стоящим одной ногой в могиле, бояться некого!

Хотелось бежать, сопротивляться, воевать до последнего, но этот внутренний червяк убеждал, что все бессмысленно.

Пистолет к виску, что ли, чтобы не мучиться? У шурина дома ружье. Поймет. Даст.

А о чем думать? Об аде, рае? Или перевоплощении? Неужели совсем скоро сам узнаю что там, за чертой? Я уже близко. В церковь, что ли, сходить? Последний раз был там на крещении племянника. Лет этак семь назад, сразу после армии.

М-да, хреновый из меня христианин. Или напиться? Да так, чтобы на всю неделю... Вот же черт, не охоч до алкоголя. Уколоться? Дворовая шпана должна знать, где торгуют порошком, с деньгами проблем нет... Нет, не уколюсь. Даже на пороге смерти. Чего же

сделать, что можно успеть за неделю? Руки обхватили голову, почти вырывая волосы. Как составить план последних дней жизни?

Всегда хотел побывать в Европе, но тратить время на визы, толкучки в аэропорту... Нет, время слишком дорого. И почему нет книги по руководству умирающим? Наподобие "Что можно успеть за неделю?". Купил бы пару экземпляров, право слово.

Вошел сияющий доктор. Звонила любовница, не иначе. Не может даже сдержать улыбки. Лишь в последний момент вспомнил, что в кабинете живой труп, чуть посуровел, наверняка прокручивая в голове спектр предложений от "порядочного патологоанатома" до "приличного бюро ритуальных услуг".

— Алексей Иванович...

— Вы не перепутали анализов с другими пациентами? — уточнил я.

Почему-то захотелось предположить, что кому-то могло повезти, и он получил отрицательный ответ на рак вместо "положительного". Остро захотелось порадоваться за человека, который живет каждым днем, не подозревая о своей болезни. За человека, который бы умер, не подозревая от чего, и до последнего не предполагая, что умрет. Так проще, так гуманнее. Так вернее! Вот почему доктор сказал эту ужасную весть мне, водрузив горы на плечи? Я не хотел этого знать! Верните все обратно, и я пойду дальше жить эту тихую размеренную жизнь.

— Нет, Алексей Иванович. К сожалению, рак именно у вас... Мне жаль... Могу посоветовать приличное бюро... Просто... подумайте о семье, не обременяйте.

Черт, да мне пора в пророки записываться. Посмертно. Или у них у всех стандартное мышление, передающееся через труды Гиппократата?

— Доктор, у вас все?

Он молча кивнул.

Я поднялся, и шумный коридор окунул в волну жизни. Она кипела, не замечая меня: говор пациентов, ругань технички, разговоры по сотовому, заметил даже жужжание мухи. Это все есть, но уже не для меня. Говорят, лучше умереть молодым, чем в старости, разваливаясь на запчасти, но... дать бы в морду всем этим мыслителям, философам, черт бы их всех побрал. Сейчас я хочу жить как никогда ранее! Почему мне обрезали крылья, едва я начал нормально летать? ПОЧЕМУ ИМЕННО Я?!

Вышел на улицу, под палящие лучи солнца. Народ ходит загорелый, в большинстве своем веселый. Рядом со мной парень только что узнал, что скоро станет отцом. Отключив телефон, он разразился бранью, наверняка раздумывая, как уболтать вторую половину "не создавать лишних проблем".

Радуйся, дурак, думаешь, это проблемы? Это радость, черт возьми! Жизнь — всегда радость. Рождение новой жизни — радость вдвойне! Не было дня лучше, когда я сам стоял у роддома, и толстая тетка вынесла сверток с мелким, розоватым существом, который порядком встряхнул жизнь, научив ценить сон и свободное время. Все познается в сравнении, но я счастлив, что не избежал проблем.

Едва попал ключом в замок автомобиля, забыв в раздумьях отключить сигнализацию. Гнев богов прокатился по всей улице, народ неодобрительно загудел. От группы студентов докатилось: "Эй, придурок, пропись!"

Доктор прав в одном — семья. И я вернусь к семье попрощаться, раздать завещанное и скончаться где-нибудь на коврике рядом. Так принято, так положено. Но называть придурком мертвого?

Меня — придурком?!

До разговора с доктором внимания не обратил бы на шпану, но сейчас, ощутив дикий адреналин, сжал связку ключей в кулак и бросился на троих довольно крепких парней, пусть и изъеденных дискотеками и черными абсентами изнутри.

Последний раз дрался еще в армии, лет семь назад, но этому сложно разучиться. Тело все помнит само, пусть даже лишенное стабильной зарядки в течение последних лет.

Говорливый парень покатился по асфальту, сжимая разбитый нос. Его друг взвыл, баюкая переломанную руку. Третий упал на колени, скуля, как щенок.

— Мужик! Мужик, ты чего? Не надо мужик, мы извиняемся. Это мы придурки, мы! А ты нормальный мужик! Не обессудь за базар. Не правы, мужик! Не правы.

Я застыл, выдыхая горячий воздух ноздрями, как огнедышащий дракон. Грудь подогрело, словно на печке повалялся. Это было приятное ощущение. Не отказался бы и сдачи получить. Получить по морде только для того, чтобы ощутить себя живым. Более живым, чем есть.

Кровь кипела. С больницы в мою сторону бежали двое охранников, хватая дубинки. Я, не понимая почему, — раньше бы всегда остался и объяснил, кто прав, а кто виноват — рванул к машине, завел мотор и дал газу, пробуксовывая колесами. Едва не сбил старушку на выезде и не врезался в "мазду", что летела по главной дороге. Столько визга тормозов не слышал давно. Стертая резина отметилась на асфальте.

Машина у меня хорошая — "фольксваген-пассат" последнего модельного года. Я на нее давно копил и берег от любой царапины, мыл каждый день. А теперь в один момент понял, что чушь. Все это чушь. Обычная игрушка, чтобы доставить задницу из пункта А в пункт Б с комфортом.

Захотелось разбить эту игрушку к чертовой матери. Захотелось огня. Снова ощутить адреналин, который получал, когда разбивал нос, ломал руку. Захотелось увидеть максимальную скорость, стрелку на спидометре, что улетает за предел возможностей. Вдавил педаль газа, ткнул пальцем в магнитола. Заиграла какая-то записанная на диске романтическая мелодия. Тихая и спокойная. И как я раньше слушал эту чушь? Вытащив диск, переломил его пальцами и выкинул в окно.

Обычно по радио крутят популярный шлак, но на одной из радиостанций наткнулся на тяжелый металл. Вот это то, что сейчас нужно.

Скорость прибавилась, спидометр, казалось, раскалился. Мотор заревел, как будто в "Феррари" "Формулы-1". Блин, да я же Шумахер до аварии!

Скорости!!!

Дважды спровоцировал аварию, но в последние моменты уходил от столкновения, ощущая космические мгновения заноса. Едва входя в поворот и нарушая все правила, придуманные дорожной инспекцией, проскакивая на красный свет через хилые потоки людей, оказался в родном дворике раз в пять быстрее, чем заняла бы обычная дорога до больницы. Со злостью хлопнул дверцей автомобиля, почти сожалея, что не разнес этот кусок металла на колесах в груды железа и сам не пошел на переработку.

Миновав дверь с домофоном, поднялся на одиннадцатый этаж пешком. Никакого лифта! Хотелось ощутить каждую ступеньку, слушать радостно-трепещущее сердце, задыхаться, наконец, из-за усталых легких, которые не приняли новую привычку курить на работе "от нервов".

Открывая дверь собственным ключом, врезал кулаком по стене. Просто чтобы ощутить боль в костяшке, чтобы понять, что еще жив. Войдя внутрь, наткнулся на тапочки соседа.

Какого хрена этот лысая образина делает здесь?

Не разуваясь, громадными шагами преодолел коридор и ногой пихнул дверь спальни... Так и есть. Давно подозревал! Но чтобы среди бела дня!

Давно надо было развестись. Все равно ненавидел эту суку, боясь себе в этом признаться. А теперь все собственными глазами увидел.

— Леша!

— Алексей?

Два взволнованных голоса и оба заворочались, выползая из-под общего одеяла. Моего одеяла!!!

Захотелось придушить их собственными руками. Эту за то, что всю жизнь жила потребителем, не проработав и дня. Наивно полагала, что рождением сына расплатилась со мной на всю будущую жизнь. А этого за то, что каждую субботу пил со мной пиво, смотрел в глаза и улыбался. Да, за подлый взгляд, который как бы говорил мне, что я чмо и ничего в жизни не понимаю.

А в принципе, что мне мешает забрать обоих с собой на тот свет?

Я и не думал, что шея может быть такой хлипкой. Лысая башка просто с хрустом повернулась, и тело неловко присело как тряпичная кукла. Визг рыжей сучки едва не оглушил. Схватив за волосы, приложил ее лбом о стену. Еще раз, и еще... Пока к тупому стуку не добавился смачный хруст черепных костей. Кровью залило недавно клееные обои, что выглядят убожески, но по стоимости будто сделаны из золота. Это она, тупая тварь, их выбирала.

— Я ненавижу твой жуткий вкус! Могла бы изменять хотя бы с Гришкой с седьмого этажа, он хоть волосами одарен, выглядит попрестижней. Четыре этажа дальше, чем протянутая рука, а? Сука ты ленивая!

Она лежала в луже крови, молча уставившись в потолок.

— Пап, мам, я пришел! — послышалось из коридора.

Сердце дрогнуло... Сын. Двенадцать лет. Хороший возраст, чтобы начать жить по уму. Хороший возраст, чтобы начать, если не жить, то хотя бы думать самостоятельно.

Я вышел в коридор, потемневшими глазами и окровавленными руками вгоняя сына в ступор. Сухим голосом произнес, ничего не скрывая:

— Сын, сегодня ты должен повзрослеть. Считаю, детство кончилось. Не разувайся, мы уходим.

— Что случилось, па?

— Твоя мать была сукой. Еще хуже, чем сосед. Я устал прощать и... убил обоих.

— Ты... убил?!

— Да, — легко ответил я. — Наверное, стоило развестись. Но я хочу, чтобы наследство получил ты, а не она с лысым орком за компанию. Но на этом новости не заканчиваются. Я был в больнице, и врачи обнаружили рак. Это неизлечимо. Мне осталась немного, сын. Совсем немного. Тебе придется начать жизнь самостоятельно. Я бы и дальше поощрял твое стремление к спорту, к занятию английским, закрывал глаза на двойки по химии и драки на переменках, но жизнь распорядилась иначе. — Я склонился перед ним, положил руки на плечи, глядя прямо в глаза. — Точнее, смерть. Смерть распорядилась иначе, сын. Теперь ты будешь жить сам по себе. Сам за себя все решать, — слова посыпались из меня какие-то слишком ровные, вмятые. Никакой тебе истерики, слез.

— Папа, но как же так? — он словно не поверил в услышанное.

— Жизнь — странная штука. Имеешь — не ценишь, наивно полагая, что завтра будет лучше, а как начинают отбирать, вопишь, что и сегодня, в общем-то, неплохо, — продолжил я, стараясь ощутить в себе сожаление за сотворенное... Но не нащупал ничего. Не сожалел. Ни капли раскаянья. Не Раскольников я. Совсем.

Встал перед сыном на колени, крепко обнимая, но стараясь, чтобы окровавленные ладони не оставили отпечатков на серой майке.

В груди защемило. Вот теперь накатило, накрыло. Зарыдали оба, посылая куда подальше "мужики не плачут".

Да, это не был плач... Это был рев!

Отстранив сына первым, посмотрел в заплаканные глаза, натянуто улыбнулся.

— С кем бы ты хотел жить, сын? С ее сумасшедшей матерью, моим ловеласом-стариком? Или...

— С твоей сестрой, — прервал он. — Она... нормальная. Но папа...

— Нет. Не говори ничего. Собери вещи, езжай к сестре, объясни. Я подъеду завтра, позвоню тебе, выйдешь — попросаемся. Она, наверняка, расскажет все полиции и правильно сделает, но...

— Не приезжай, пап, — неожиданно сказал сын. — Они тебя... посадят... Я хочу запомнить тебя таким... а не... за решеткой, я даже не буду говорить про маму... я хотел тебе рассказать, что сосед слишком часто заходит... но как-то... пап... — он всхлипывал, но каждое слово било меня битой, вытряхивая дух и позволяя понять, что дети растут гораздо быстрее, чем я полагал.

Я вообще в своей жизни не замечал главного, что ли? Слепой сукин сын.

— Я понял, сын. Сам как-то откладывал все, что хотел сделать в жизни. Спасибо за понимание. Ты вырастешь настоящим мужчиной. Постарайся меня простить за... мать... и то, что сделал тебя сиротой... — вышел на площадку, пряча слезы и сдерживая тугой ком в горле.

— Я люблю тебя, папа, — донеслось из коридора.

До машины добрался как в тумане, благодарил Бога, что никто не попался навстречу. Видок у меня был всем вампирам под стать: забрызган кровью, глаза горят. Ужас!

Сел в салон и попытался немного прийти с себя. Расклеиваться рано, еще стоит заехать к нотариусу, написать прямое завещание, желательно, с датой на несколько лет раньше, пока еще не стал убийцей, если к этому придерутся. Вообще не помню, можно ли составлять завещание убийцам? Пусть на всякий случай проставит дату задним числом. Все должно остаться сыну, он не должен ни в чем нуждаться, осуждая меня, что оставил без крыши над головой и средств на институт. Пусть строит жизнь, пусть наградит меня внуками, хоть и не увижу...

Ком прорвало, слезы потекли по рулю. Забормотал, каясь Богу напрямую, как на исповеди батюшке, только без посредников... Сам не ожидал, что столько всего наворотил за двадцатисемилетнюю жизнь.

Руль услышал все раскаянье. Батюшка бы столько не выдержал. Тайна исповеди — тайной, но есть и предел.

Через двадцать минут уже ехал по трассе, с холодком в груди осознавая, что на той скорости, что летел час назад, мог и не попрощаться с сыном.

Частный нотариус попался понятливый и быстро вошел в курс дела, не осуждая даже за жену. Несколько тысяч долларов плотно закрыли его глаза на события последних часов.

Сын получит все, и никто не придерется...

Потом была работа. С земляничным лицом прощаясь с сотрудниками, взял с зама обещание, что похоронами он никого не обременит и все будет по-человечески. Он давно под меня копал, намереваясь скинуть с кресла, а тут такой подарок, что не надо складываться на киллера, всего лишь оплатить кремацию и установить гранитную плиту с парой фраз на клочке земли. Оплатит с удовольствием.

Да, именно кремация. Пусть рак сторит вместе со мной. Чертова хреновина должна быть уничтожена! Никакого векового тления.

Выбив из конторы все, что мог, со слезами расцеловав всех секретарш, я подарил золотые часы старому охраннику, который проработал со мной со дня основания фирмы, и впервые в жизни выдал техничке тете Глаше комплимент, вышел на улицу.

Презрев автомобиль, побрел по городу пешком. Благо наша фирма в самом центре, а машина уже может быть отмечена постами ДПС, или по городу могут ходить ориентировки. Хотя вряд ли опера так быстро работают. Тела еще могут быть не обнаруженными в квартире.

Бродил пару часов. Давно хотел пройтись по остывающим темнеющим улицам, играющим светом вывесок, фонарей. Было тепло и уютно. Пахло, словно годами юности, детством. Радовался каждой мелочи, старался прожить каждую секунду, почувствовать ее, понять и отпустить. Лучший в городе ресторан в тот вечер пробудил во мне гурманские наклонности, и язва радовалась, поглощая все, а не выборочно.

Потом была девушка. Я никогда в жизни не мог с ходу познакомиться с девушкой, а в этот вечер отбил ее у довольно привлекательного кавалера, очаровав на всю ночь. Да, это была ночь без сна и имен. Мы отдавались друг другу, плавясь как воск. Никогда бы не подумал, что секса может быть столько, сколько захочу. А она наверняка думала, что я вернулся с армии.

Наверное, в ту ночь я помолодел..

Я ушел под утро, не прощаясь.

Забредя на едва открывшуюся почту, написал с десяток писем, отправил по разным уголкам страны и "за бугор". Жизнь раскидала друзей по разным городам, но "да как-то времени нет" сейчас не проходило. Сейчас или никогда. За те пару часов, что провел на почте, перезнакомился со всеми работницами. Везде работают нормальные люди, просто стоит это заметить, проведя с ними чуть больше времени.

Потом были звонки друзьям по городу, родне. Извинения, слезы, смех, воспоминания. Баланс на сотовом стал отрицательным, прежде чем я подарил навороченную коробку с микросхемами, функций которой ни в жизнь не изучить, веселой молоденькой девчужке на остановке. Та приняла подарок без подозрений. Это с возрастом появляются все больше и больше подозрений, а молодость все принимает так, как есть. Пусть даже родители отберут подарок и отругают, но я получил благодарную улыбку.

С полудня и до вечера провел время у старого друга, разругавшись с которым из-за сущей мелочи в студенческие времена, не виделись уйму лет. Проблема, которая замалчивалась годы, испарилась за полминуты, едва он открыл дверь.

Под вечер я ушел, чувствуя, что в организме неладно. Наверное, так старая собака предчувствует смерть. Я поймал такси и поехал к... сыну. Вперед! Увидеться последний раз, последний раз обнять и вдохнуть запах шелковых волос, затем подбросить на руках как маленького и еще раз заглянуть в зеленые глаза. До смерти хотел услышать последний раз

слово: "Папа". Даже кордон полиции меня не остановит.

В эту ночь пошел сильный дождь. Я сидел на переднем сиденье рядом с молодым водилой. Таксист гнал, получив деньги за скорость наперед. Капли с грохотом расплывались по лобовому стеклу, погружая в воспоминания.

— Есть там кто? — буркнул таксист, собираясь обогнать груженный "КамАЗ". Японка. Правосторонний руль. Передний пассажир впередсмотрящий, пока водила играет в угадайку.

— *Ты никогда не задумывался о том, что жизнь может быть не одной?* — раздалось в голове. Эти слова услышал лишь я. И готов поспорить, что ощутил в тот момент на плече когтистую лапу. Словно на заднем сиденье сидел сам демон.

— Не-е, — протянул я на автомате, отвечая. Мои мысли понеслись быстрее автомобиля. Да, а что если действительно жизнь не одна, и все, что мы творим в этой, проявляется в следующей? Это же логично, в конце концов...

Водила кивнул, как будто ответ был для него... и пошел на обгон.

Свет встречного автомобиля в глаза... Несуществующий застывший крик "Папа!" в ушах...

Авария забрала жизнь раньше, чем злополучная болезнь.

Не успел.

Прости, сын. Вырасти настоящим мужчиной...

Саркон, оказавшись на дороге за мгновение до столкновения, отряхнул рукав и скупо произнес:

— А зря.

Исчезнув в новом портале, демон никак не мог понять, почему людям обязательно надо попасть в больницу, тюрьму, плен или реанимацию, чтобы было время задуматься о собственной жизни и своей роли в мире?

Правда, не обошлось от прямого влияния. На Алексея Ивановича кто-то определенно повлиял, как заметил по нитям воздействия демон. Времени думать над этим не было. Приходилось спешно шагать в очередной портал и приниматься за новое Задание.

* * *

Саркон вышел из портала, ощущая жару и родную стихию войны: грохот разрываемых снарядов, свист пуль, запах смерти, предсмертные крики, ужасы боли и мольбы о помощи. Вот чем наполнилась округа. Ни одной молитвы. То ли не успевают, то ли не считают нужным. Главное — выжить телу, а что будет с душой... Да кому какое дело? Душа для людей — непонятная, малоизученная субстанция, от которой проку никакого. Так считают многие даже на войне.

Демон осмотрелся. Рассвет среди пустынных гор был таким красным, словно впитал свежую кровь погибших. Стычки интересов причудливо переплетались на обожженной солнцем земле. Люди называли это локальным конфликтом. Как для прессы, так очередная стычка между повстанцами и коалицией, а как для участников самой схватки — так целая война. Долгая, затяжная, подлая. Без победителей.

Посланник тени устало зевнул и осмотрелся: каменистые холмы, песок, рассветное солнце только принимается подогревать то, что не сгорело вчера, позавчера, за тысячи и миллионы лет до этого утра. Ночи слишком мало, чтобы остудить дневную работу светила.

Над головой пронесся вертолет "апач". Привычная, как палящее солнце, винтокрылая птичка для этих жарких краев, едва ли пугала редких птиц в небе. Крупнокалиберный пулемет прочертил дорожку пулями. Они змеей проползли по песку и вгрызлись в большой валун, за которым скрывались трое. Одна пуля разорвала ухо туземца. Он закричал, зажимая ухо ладонью. Его возглас был понятен каждому на любом языке. Рука подстреленного быстро окрасилась в багровый. Горячие капли жадно впитал песок. Демон усмехнулся. Он отвел пулю чуть левее только для того, чтобы молодому парню, борода и усы которого едва начали рост, была дана возможность для ответного удара.

Парень в чалме и белых одеждах снова закричал и, потянув со спины переносной зенитно-ракетный комплекс, выскочил вслед пролетевшему вертолету. Двое его товарищей выпрыгнули следом, подбадривая и постреливая вслед вертолету из автоматов. Толку от этого было мало, но хоть так выпустить злость.

Несмотря на явную молодость, рука молодого бойца знала свое дело. Практика в полевых лагерях даром не прошла. Уже спустя секунды дуло смотрело вслед гудящей, лишней для этого неба "птице". Палец плавно спустил курок. Со специфическим свистом и порцией дыма огненная стрела прорезала небо и погналась за вертолетом.

Маленькая птичка погналась за большой.

Посланник тени заинтересованно посмотрел, как на фоне заходящего солнца вертолет лишился хвоста и, потеряв управление, чадя, как горящие шины на свалке, завихлял вокруг своей оси, неумолимо накрываясь вбок. Бешено вращающиеся лопасти понесли уже груды металла, а не цельную конструкцию к горам. И под воздействием гравитации Земля со всей силой воткнула кусок металла в землю. Ритуальный костер вспыхнул следом. Все металлы, которые достали из недр земли, к земле вернуться.

Воины песков принялись ликовать, поздравляя удачливого стрелка и друг друга. Танцы, выстрелы в воздух из АКМ и благословения Всевышнему — вот на что смотрел следующие несколько минут демон, пока до слуха не донесся новый гул.

Как оказалось, лимит смертей на сегодня не был исчерпан... Новая птица, гораздо быстрее винтокрылого собрата, прочертила высоко в небе несложный для любого аса пируэт. Немного покружила над местностью, словно присматриваясь к добыче. Она явно готовила хищные когти, чтобы схватить, поднять в небо и разбить о камни, а потом снова подхватить и насладиться свежим мясом. Хищник. Стервятник. Для ней добыча уже была мертва.

Напрасно трое пустынных воинов вновь попрятались за камни. Бомбы с бомбардировщика уравнили всю поверхность, заставляя плавиться даже песок. Молодой воитель и двое товарищей постарше сгорели в чудовищном огне, словно попали в ад, куда так долго отправляли неверных.

Саркон сладко потянулся, собирая крохи сил от недолгих мучений людей. Затем демон снова создал портал. Силы его были на исходе. Действовать нужно было быстро. Следующие локальные конфликты на Кавказе, в Африке, на Ближнем Востоке и в Южной Америке проскочил за какие-то минуты. Солдаты тех войн в тот один момент понесли тяжелые, нелепые потери.

То шальная пуля попадала в тело на сантиметр левее, правее, выше. Было бы иначе, и человек остался бы жив. То осколком гранаты, снаряда, рикошетом, обломками зданий и укрытий изуродует, убьет, добьет, уничтожит случайных людей, кто никогда бы и не подумал взять в руки оружие и воевать за чьи-то интересы.

Воюющие страны называли это допустимой потерей среди мирного населения. Демон

называл это жатвой, шагая по полям сражений и делая стычки кровавее и бессмысленнее. Злость, ярость и жажда мести селилась в каждой душе, где проходил Саркон. Работа. Ничего лишнего. Просто выполнял предназначение. Как сказал родитель, а ему его родитель, и так из поколения в поколение: "Демон — защитник Земли". Изначальный, созданный задолго до человека. И его функция — оберегать физический мир от тех, кто несет угрозу. И так уж случилось, что последние тысячи лет основная угроза для Земли исходила от человека. Потому чем больше их уничтожалось в стычках с самими собой, тем было лучше. Так Земле легче дышать. Саркон прекрасно знал, что человек давно позабыл свое предназначение к развитию и скатился до уровня выяснения отношений грубой силой.

Его ненависть к ближнему отражалась не только на нем самом, но и на всем окружающем мире. Земля страдала. Земля молила о пощаде. Но тщетно взывала она к разуму человека. Не слышал матери своей глухой сын. Потому демоны из всех сил продолжали выполнять свою работу. Человек должен был исчезнуть с лица Земли до того, как тело Природы перейдет последний рубеж невозможности возвращения к стабильному состоянию. Но закончить предначертанное многие тысячи лет — истребить род людской — мешали ангелы.

У них на людей были свои планы.

Саркон устало вывалился из портала на побережье необитаемого острова. Сгорбился, глаза слипались. Застыл, слушая вместо свиста пуль рокот прибоя. Вместо криков — пение птиц. Это было так ново и чудесно. А вместо запаха боли и смерти ощутил вкус бриза на губах. Солнце над головой уже жгло не так яростно. Но грело почти как Геенна Огненная. Трехрогий посланник, не совсем понимая себя, лег на песок и раскинул руки. Возможно, он был единственный демоном на всем белом свете, который понял ангела и пошел с ним на примирение. За всю историю Столкновения их случай парной работы — уникальный, насколько он знал. Но разве так сложно понять ангела, который когда-то был человеком?

Оба, как два изгоя, вроде бы и не отвергнуты своими, но уже и не среди них. Оба совершенно разные, с разным взглядом на мир, но чем-то объединены, словно отмечены Творцом, да так, что у обоих "лагерей" по разные стороны баррикад не хватает доводов, чтобы запретить их совместный рабочий союз.

"Только для чего создана группа Аид? Этой Войне все равно не будет конца. Сколько еще ждать, усиленно работая, прежде чем появится хотя бы еще пара таких же вольнодумцев? И поможет ли это как-то человеку? Точнее, успеет ли помочь? Кажется, он никогда не исправится".

Эти вопросы не давали покоя. Демон даже вздохнул. Несмотря на усталость и целую гору странных, ночных заданий, его не покидала мысль, что все же стал изгоем лишь благодаря Люции. Ей — ангелу, извечному врагу, к которой воспылал запретными чувствами. Воспылал и перешел какую-то невидимую черту. Изменился, переплавился, стал другим. Он словно заразился вирусом, от которого не было лечения.

И где бы не был демон, благодаря этой странной болезни, поразившей его, войны, где он прошел, забрав несколько смертей, затихали. А люди-жертвы, те, что уже были отмечены на заклятие и должны были погибнуть позднее, выживали.

В последний момент странные ощущения заставляли демона менять смысл задуманного. Искажал суть задания своего лагеря, гасил пожар конфликтов на неопределенное время. Он просто лил воду, подобно ангелу, хотя должен подкидывать дрова. Он перестал быть "поджигателем", и стал "водовозом".

Пока Саркон поступал так лишь тогда, когда Задания допускали интерпретации, но чувствовал, что вскоре готов был пойти против всех наставлений семьи, а то и выступить против своего лагеря. Нет было больше в нем желания разбрасывать искры.

Почему он начал идти против своей сути?

Саркон прикрыл глаза. Первое время этого не заметят. Внешне он так же беспощаден: поощряет смерти и люди продолжают нажимать на курки, но на их обязательных смертях все и заканчивается после его ухода. На пепелищах войны снова вырастают съедобные плоды и плодятся новые люди. Но вскоре начальство разглядит подобные ходы на будущее, и им с Люцией придется не сладко. Как скоро? Поможет ли изменить ситуацию то странное чувство, что разгорается в нем с каждым днем? Изменить и помочь идти против всех обстоятельств.

Демон поднялся. Прежде, чем удалось отдохнуть на песке, ткнули носом в еще одно задание. Появилось странное, никогда ранее не ощущавшееся желание не повиноваться приказу. Демон спешно загнал его глубоко внутрь и принялся за работу.

[Купить полную версию книги](#)